

UNIVERZITA KARLOVA V PRAZE

FILOZOFICKÁ FAKULTA

ÚSTAV TRANSLATOLOGIE

BAKALÁŘSKÁ PRÁCE

Hanna Velychko

Komentovaný překlad: povídky Jana Balabána *Mléčná dráha* a *Oblak*. In: Jan Balabán. *J sme tady*. Brno, Host-vydavatelství, 2006, 196 s.

Комментированный перевод: рассказы Яна Балабана «Млечный Путь» и «Облако». // Jan Balabán. *J sme tady*. – Brno: Host-vydavatelství, 2006. – 196 с.

Annotated Translation: Jan Balabán's short stories *Milky Way* and *Smoke*. In: Jan Balabán. *J sme tady*. Brno, Host-vydavatelství, 2006, 196 s.

Praha 2012

PhDr. Stanislav Rubáš, Ph.D.

Poděkování

Chtěla bych poděkovat vedoucímu bakalářské práce PhDr. Stanislavu Rubášovi, Ph.D. za vedení práce a cenné rady a také konzultantkám PhDr. Danuši Oganješjanové, CSc., Mgr. Tereze Chlaňové, Ph.D. a Mgr. Marii Molčan za velmi užitečné jazykové konzultace.

Prohlašuji, že jsem bakalářskou práci vypracovala samostatně, že jsem řádně citovala všechny použité prameny a literaturu a že práce nebyla využita v rámci jiného vysokoškolského studia či k získání jiného nebo stejného titulu.

V Praze dne 27.08.2012.....Hanna Velychko

Jméno autorky

ANOTACE

Bakalářská práce obsahuje dvě části. První je překlad dvou příběhů, *Mléčná dráha* a *Oblak*, z knihy současného českého spisovatele Jana Balabána *Jsme tady*. Druhá část obsahuje odborný komentář k překladu a je rozdělena do pěti oddílů: analýzy výchozího textu, koncepce překladu, formulace metody překladu, rozboru překladatelských problémů a klasifikace posunů.

Klíčová slova: překlad, překlad literárního díla, překladatelská analýza, funkční analýza, komunikační, pragmatický a semiotický aspekty, mikrostylistika, makrostylistika, překladatelská koncepce, metoda překladu, překladatelský problém, překladatelský posun

АННОТАЦИЯ

Данная бакалаврская работа состоит из двух частей. Первая часть представляет собой перевод двух рассказов – «Млечный Путь» и «Облако» – из книги современного чешского писателя Яна Балабана «Мы все еще здесь» (Jan Balabán *Jsme tady*). Во второй части отображен комментарий к переводу, в который входят пять разделов: анализ исходного текста, определение переводческой концепции, обоснование метода перевода, разбор трудностей перевода и классификация переводческих сдвигов.

Ключевые слова: перевод, перевод художественного текста, анализ перевода, функциональный анализ, коммуникационно-прагматический аспект, семиотический аспект, микростилистика, макростилистика, переводческая концепция, метод перевода, трудности перевода, переводческий сдвиг

ABSTRACT

The given thesis consists of two parts. The first part represents a translation of two short stories, *Milky Way* and *Cloud*, from the book by the Czech modern writer Jan Balabán *We are here* (Jan Balabán *Jsmě tady*). The second part reflects commentary on the translation and includes five chapters: translation analysis of source text, specifying of approach to translation, reasoning of translation method, identifying of translation problems, and classification of translation shifts.

Key words: translation, literary translation, translation analysis, pragmatic text analysis, functional text analysis, communicative, pragmatic, semiotic aspects, micro- and macro-stylistics, approach to translation, translation method, translation problem, translation shift

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	8
1. Перевод	9
2. Комментарий к переводу.....	34
2.1. Анализ перевода	34
2.1.1. Внетекстовые аспекты	34
2.1.1.1. Автор – текст – читатель.....	35
2.1.1.2. Культура – пространство – время.....	37
2.1.2. Внутритекстовые аспекты.....	38
2.1.2.1. Микростилистика	38
2.1.2.2. Макростилистика	40
2.1.2.3. Поэтика.....	42
2.1.3. Функциональный анализ.....	44
2.2. Переводческая концепция.....	46
2.3. Метод перевода.....	47
2.4. Определение трудностей перевода и их решение.....	48
2.4.1. Лексический уровень.....	48
2.4.2. Синтаксический уровень.....	50
2.4.3. Стилистический уровень.....	53
2.4.4. Прагматический уровень.....	54
2.5. Классификация переводческих сдвигов.....	56
2.5.1. Лексические сдвиги	57
2.5.2. Синтаксические сдвиги.....	57
2.5.3. Стилистические сдвиги.....	58
2.5.4. Прагматические сдвиги.....	59
Выводы	61
Резюме.....	62
Summary.....	62
Список литературы.....	63
Приложение: текст оригинала.....	66

ВВЕДЕНИЕ

Данное исследование посвящено вопросам художественного перевода с чешского языка на русский и переводческому анализу выбранных текстов.

Целью работы является адекватный функциональный перевод двух рассказов – «Млечный Путь» (*Mléčná dráha*) и «Облако» (*Oblak*) – из книги современного чешского писателя Яна Балабана (Jan Balabán) «Мы все еще здесь» (*Jsme tady*) и его переводческий комментарий. Реализация цели будет осуществлена посредством ряда поставленных **задач**, каждая из которых рассматривается в отдельном разделе, а именно:

- 1) проанализировать исходный текст, являющийся **объектом исследования**, с учетом его вне- и внутритекстовых аспектов, а также с позиции функционального анализа;
- 2) дать определение переводческой концепции, которая избрана для работы с данным текстом и в свою очередь представляет собой **предмет исследования**;
- 3) обосновать метод перевода;
- 4) осуществить разбор трудностей, возникших в ходе работы над переводом;
- 5) предоставить классификацию переводческих сдвигов, имеющих место в целевом тексте, и дать их исчерпывающее объяснение.

В работе использовались **методы** сопоставления, функционального, художественного анализов с учетом прагматического и семиотического аспектов переводимых текстов, а также синтеза полученных результатов для формирования заключений исследования.

Актуальность данного исследования состоит в том, что рассматриваемые литературные произведения не были прежде переведены на русский язык, и их автор до сих пор не известен широкому кругу русскоязычных читателей. Поэтому работа имеет большое **практическое значение** для популяризации современной чешской литературы и культуры, а также осуществления эффективного межкультурного диалога между Российской Федерацией и Чешской Республикой.

1. ПЕРЕВОД

Млечный Путь

Даже в Щедрый день¹ магазины работают и до обеда, и после. Когда же, собственно, начинается этот праздник, спрашивала себя Катерина. Ей всегда было трудно устанавливать интервалы событий. Неужели Рождество? Мы еще готовимся к нему? Может, оно уже прошло? Задержалось в хлопотах послеобеденных приготовлений или уже пропало в скомканной оберточной бумаге из-под подарков и сплошном беспорядке, который остается после этого священного разворачивания? Каждый складывает свои подарки в кучку, каждый каждого благодарит, каждый тронут подарком, даже если и не рад совсем, и Катерине при этом зрелище всегда становится невыразимо грустно. Неужели так сделаешь человека радостным? Так только наделаешь глупостей. Так только наделаешь кучу. Радость уже где-то существует, готовая, нерукотворная, но мало когда она с нами. И редко когда она со мной.

Если бы позволяла эта болезнь, ограничивающая всю ее жизнь, она бы напивалась на каждый рождественский сочельник, как только дети с подарками улягутся спать. Потягивала бы английский джин, сидя между этими обертками и потухшими свечами. Глотала бы слезы, стоя у окна и наблюдая за отражающимися бликами елок на чужих счастливых стеклах. Но выпивать – не для нее. Когда ей исполнилось десять лет, она получила настоящий дар от Бога – возможность пережить то, что нельзя пережить, пройти по такому узкому мостику, что лучше под ноги и не смотреть. С тех пор она здесь одна, жива и по-своему здорова, но одна. Больше для других, чем с другими, так всегда себя успокаивает, когда ей делается страшно. И это помогает.

Пар изо рта и скрип снега под сапогами – это всегда поднимает настроение.

– Пойдемте вдоль реки, – предложила внезапно Катерина.

– Ты хочешь пройти весь путь пешком, прямо к дедушке? – удивился мальчик, который в свои двенадцать лет уже так вымахал и стал так похож на своего отца, которого теперь с ними нет.

– Конечно, пешком, пешком, – обрадовалась младшая на три года, но более воинственная и не такая меланхоличная дочь, то бишь девочка.

¹ Щедрый день в ЧР празднуют в канун католического Рождества, 24 декабря. Здесь и далее прим. переводчика.

– А я понесу подарок, – решила она, подняв вверх бумажный пакет с цветной надписью. Там внутри, в блестящей коробке, прятался до сих пор не оживленный, совершенно новый мобильный телефон с зарядкой и гарантией. В сущности, эта идея принадлежала маленькой барышне, которая была одета в полушубок из искусственного меха и шапку-ушанку, а сейчас пяткой разбивала мерзлые комья снега на краю тропинки.

«Он ему понадобится сейчас, в больнице, мы в любое время сможем связаться с ним, и ему там не будет так одиноко», – размышляла она, глядя на ассортимент этих маленьких передатчиков с модным дизайном, которые могут раз и навсегда избавить нас от страха тишины.

– Вон тот Sony Ericsson!

– Ты считаешь, что я миллионерша?

Конечно, она подозревала, что девочку больше интересует сама покупка мобильного телефона, а об угрожающем диагнозе старика она вовсе не думает. Дети имеют право не думать о диагнозах. Она прикрикнула на нее и купила гораздо более дешевый Siemens.

Они миновали город, где предрождественская суета понемногу утихала и замерзала, как кровь последних очищенных карпов у полупустых бочек, которых вечером подадут на праздничный стол. Они уже отмучились, не понимала только, то ли рыба, то ли промокшие продавцы, которые целый день на морозе напрасно старались согреть заледеневшие пальцы.

– Мы забыли рождественское печенье, – вспомнил мальчик о коробочке с образцами ее кулинарного искусства. Звездочки, бантики, специально пекла то, что ей вообще нельзя. Ей посоветовали какое-то почти не сладкое печенье из овсяных хлопьев. Такая ерунда, наоборот, печенье нужно засыпать сахаром, поднимая над ним ванильную бурю, так как чаще всего это единственный снег, который выпадает на Рождество. Но в этом году все иначе, в этом году снега по колено. А звездочки и бантики остались на стуле в прихожей.

Они подошли к реке. Узкая полоска еще не замерзшей воды текла между коркой льда, которая нарастала с обоих берегов реки, направляясь к середине. До Нового года точно замерзнет. Прогноз совсем не утешительный. На конце каменной набережной они сошли на голый берег. Далее река широко огибала почти безлюдную местность вокруг заводов и свалок, приближаясь к городу на самой окраине, где выросла Катерина. Этой тропой ходили только рыбаки, бездомные и воры металлолома.

Узкая тропинка вела сквозь густые заросли сухих стволов горца японского, напоминавших бамбук. Горец японский – самый устойчивый сорняк в мире. Он любит кислые почвы. Его густые заросли облегают берега рек и целые луга, а разветвленные кроны мясистых светло-зеленых листьев сплетаются и душат все остальное. Под горцем японским уже ничего не растет. В детстве они прятались в нем, делая в зарослях что-то вроде бункеров, хотя это скорее всего походило на гнезда, и там прижимались друг к другу, как фазаны, которые днем также находили в нем убежище от хищных птиц.

Сейчас покрытые инеем ветки горца были пожелтевшими и хрупкими, и мальчик легко переламывал их палкой, как будто прокладывая путь в джунглях. На его худых плечах подсакивал рюкзак с остальными подарками. За ним шла девочка и постоянно оборачивалась, следя за тем, чтобы их мама не дай Бог не исчезла из поля зрения, и покрикивая на брата, чтобы не шел так быстро. Она старалась держать всех купно, как овчарка.

Первый мост. На поверхности мостовых быков еще осталась серая ветошь, ветки и бревна от последнего паводка. Под стальной аркой, держащей дорожное полотно, у подошвы бетонного столба разместился странный лагерь: изодранные задубевшие матрасы, одно сиденье от «Шкоды», а может от допотопного, еще гэдээровского «Трабанта», костер, тряпье, пластиковые бутылки. У Катерины похолодело в душе. Наверное, не страх, а невозможность обдала ее холодом. Она бы так не смогла. Не то чтобы не смогла до такого дойти. Вы даже не представляете, насколько быстро человек может оказаться в такой ночлежке. Собственно, это чудо, что вы еще не сидите на том сиденье с бутылкой сивухи. Но она бы не смогла. Для нее такое падение было бы смерти подобно. Со своей ограничивающей болезнью она может жить только в цивилизации, да и то – в развитой, способной клонировать и производить на своих заводах такие гормоны, которые не может вырабатывать ее тело. Поэтому она должна быть порядочной, застрахованной, трезвой и зарабатывать достаточно денег. В хиппи или бомжей ей можно только играть, несмотря на то, что она, по сути, ими всегда и была, хотя и не так, как это понимают люди.

– Вставай, а то попа примерзнет, – сделала замечание девочке, которая спокойно уселась на это убогое сиденье, в то время как мальчик задумчиво и хмуро все осматривал.

– Куда они ушли? – спросил он через минуту.

– Туда, где тепло, – ответила ему.

– В благотворительную организацию, которая находится в доме святого Франциска, – отпрапортовала девочка. – Туда бомжи ходят зимой, так по телеку говорили.

За первым мостом они направились, используя так называемую навигацию, по дороге между рекой и табличками с надписями «Вход запрещен», которыми обозначалась территория большого заброшенного завода. Ты только посмотри на эти здания! Здесь на высоких стальных ногах стоят мощные дробильно-сортировочные агрегаты для кокса, а дальше – коксовая батарея, которая своими ребрами больше похожа на книжный шкаф из ржавого железа. Наклонные мосты конвейеров, мостовые краны с широко расставленными ногами над пустым рудным складом. А на заднем плане – корпуса домен, которые кто-то из энтузиастов прозвал Градчанами². Теперь все это – руина, где в холодных пещерах бывших горнов гнездятся птицы и росوماхи. Последних еще нет. Они придут позже. Когда не будет цивилизации, в которой Катерина могла бы жить.

Но эта руина имеет свою ценность – железо. Оно притягивает парней, которым никакие таблички ни о чем. Которые что не отобьют, так отрежут, а не отрежут, так срежут автогенном, нагрузят, отвезут и выгодно продадут на пункте приема металлолома. Затем пропьют, развлекутся с женщинами, накормят одноруких бандитов, а когда станет пусто, снова отправятся в поход.

Железо любит воров металлолома, этих новых «металлистов». Они спасают его от простаивания на холоде и бесцельного ржавления. Они освобождают его из кристаллической неподвижности и снова приближают к сталелитейным печам, где невзрачные и ненужные куски металлолома в аду тысяч градусов Цельсия вновь приобщаются к горящему потоку, который уже тысячу лет выливает на земле человек.

Дети смотрели на этих монстров со священным ужасом, даже девочка на минуту перестала болтать. Катерине показалось, что воздух внезапно стал чистым, прозрачным и пронзительно острым. Будто с каждым глотком он проникал прямо в желудок. От этого становилось и приятно, и страшно, и опасно, но в своем предрождественском настроении она не обращала внимания на опасность. Напротив, все вокруг воспринималось так, будто только что появилось на свет, и не из воды, а прямо из спирта или с эфира, или из чего-то еще более легкого и улетающего.

² Административная часть Праги, где размещается правительство и Президент ЧР, символ государственной власти. Там же расположен Пражский Град.

На мгновение ей удалось представить, как эти здания вокруг видят их своими темными глазами выбитых стекол. Как здесь шествует группа трех колядников с мобильным телефоном, а я, старая и черная, плетусь позади. Только этот телефон мы несем не новорожденному Иисусу Христу, а старому больному человеку, который сразу после праздников пойдет бороться за жизнь с диагнозом, о котором никто не говорит вслух. Она плакала, всхлипывая, и специально замедляла шаг за детьми, чтобы они этого не видели.

По железнодорожному полотну они дошли к следующему мосту. «Уже совсем скоро и поворот в город», – она говорила про себя ободряюще и со страхом осознавала, что контуры окружающего мира в ее взгляде начинают странно подрагивать. – Это – характерная примета, надеюсь, что успею, прежде чем придется что-то говорить детям». За какую-то неконтролируемую секунду она скользнула рукой в теплую подмышку и выключила помпу. «Остановлю хотя бы подачу инсулина, может, это поможет».

В этом месте из зарослей осины выступала толстая труба, из которой белой пеной в реку валила горячая вода. Пожалуй, это слив с теплоцентрали. Сзади о трубу оперлась лачуга, заплатанная всем, чем придется. В конце концов, ее жители имеют отопление бесплатно. Но что за жизнь в этих дебрях, а ночью как? Тут надо, чтобы человек спал с ружьем возле кровати. Но бедняки обычно ружей не имеют.

Но имеют собак. Из лачуги вырвалось несколько дворняг с диким лаем и несомненным рвением охранять свою территорию. Вначале все выглядело опасно, но потом из хижины вышла какая-то женщина и прикрикнула на них. Это была красивая женщина в красной силовой куртке, серых леггинсах и высоких сапогах. Ее волосы имели свежий красноватый оттенок. Она загнала собак в дом и ответила на поздравления и пожелания счастливого Рождества какой-то особенно опытной и немного горьковатой улыбкой. На мгновение секунды она и Катерина посмотрели друг на друга. Конечно, женщина и не догадывалась, что она перед глазами Катерины подрагивает в воздухе, как будто бы горела на костре.

Мы все так горим, даже не осознавая этого. Видимо, она ждет того, кто принесет еду, вино и рождественский калач, табак и бумагу для самокруток, рыбные палочки, которые они тут же вместе пожарят, выпьют и будут заниматься любовью, побранятся, все выскажут друг другу и снова будут любить, пить и радоваться, прижимаясь ягодицами к трубе теплоцентрали. И в конце концов убьют друг друга, а может, наоборот, спасут. Хотя такой красивый сияющий оттенок волос не будет делать

женщина, уже ничего не ждущая от жизни. И это прекрасно. Она еще раз обернулась в сторону женщины и увидела, что и та оглядывается на них, на группу колядников с мобильным телефоном.

А потом стало плохо. Катерина плелась за детьми по направлению к автостраде, за которой уже начиналась городская полоса, но ее резерв был на исходе. Капитан Скотт в Антарктиде тоже погиб на расстоянии однодневного похода до спасательной станции. В эмоционально напряженные дни человек делает ошибки. Утром она забыла поесть, не взяла свою сумочку со спасительным сахаром и то проклятое печенье оставила дома, и вот сейчас у нее ужасная гипогликемия, и нет ничего, чем бы смогла ее компенсировать. У сына есть жвачки, но они без сахара. А новый телефон, кому-то позвонить? Да вот беда, он – не активирован, а свой она оставила дома, как и сахар.

Она еле передвигала ноги и чувствовала, что надо сесть, потому что может потерять сознание. После этого ее тело заработает снова и выработает сахар из жировых запасов, но на все это потребуется определенное время. Ей нужно сказать об этом детям, она должна им объяснить, что с ней случится обморок, но она снова придет в себя. Ну и подарок к Рождеству! Она позвала их и села на замерзший щебень на краю железнодорожного полотна.

Ну и приключилось же со мной такое! Город ломится от еды. Яствами, и незаурядными, заплывают кладовые и необеспеченных семей, они берут их в кредит, чтобы побаловать себя вкусеньким. А я здесь умираю от острой необходимости трех кусочков сахара или трех ломтиков хлеба. Может, лучше доползти к той красной женщине и попросить у нее поесть, правда, туда уже далековато. Без обморока здесь не обойдется. Немного холодновато для часового лежания в таком месте. Как же быть?

– Ведь там на автостраде, она уже близко, слышишь машины? Там заправка «Шелл» с магазином, – сказал ей мальчик в ответ на сообщение, что мать за мгновение потеряет сознание. – Там можно что-то купить. Мы когда-то там заправлялись, помнишь?

– Но я туда уже не дойду.

– Так дай ему деньги, он туда пойдет, – посоветовала девочка.

– Пойдешь? Но здесь небезопасно, тебя кто-то подкараулит, я боюсь.

– Я не боюсь.

– А я здесь с тобой подожду, – сказала девочка и достала из ее кармана кошелек.

– Сколько ему дать?

– Пятьдесят крон.

– Здесь только двухсотенная.

– Дай ему двухсотенную. Спрячь ее в карман брюк, насунь сверху куртку и купи чего-нибудь сладкого, все равно что, да побольше ... хотя бы три ... пять ... батончиков ... а ты подойди ко мне...

Она обняла дочь и, цепенея, смотрела через ее плечо на мерзлые кусты. Боролась с головокружением. Слышала, как удаляется шорох щебня под ногами сына, а вдали и в самом деле гудели машины.

Серые грани проносились одна за другой, как в разбитом окуляре микроскопа. Замерзшие прутья, снежинки, капли, сталактиты, сосульки, сопли под детскими носами. Эскимоски их облизывают, она тоже их оближет, когда выздоровеет. Когда будет видеть не только эти серые грани, скользящие одна за другой. Она старалась гнать от себя мысли о том, что какие-то «металлюги» задержали ее мальчика и сняли с него штаны с деньгами в кармане, как он, испуганный зайчик с голой попой и маленьким писюньчиком, из-за которого уже не позволяет маме купать его в ванной, убегает от них по снегу, пролетающему снежинка за снежинкой, одна за другой, а «металлюги» с волчьими лапами грызутся за те двести крон, но он таки добежал к заправке за шоколадкой для мамы, хотя уже и без денег, но может ему дадут даром, сегодня же Щедрый день, нет, не дадут, точно не дадут, потому что люди злые и на Щедрый день...

– Мамочка, мама, смотри, вот! – она с усилием открыла глаза и увидела широко открытые глаза мальчика, который сидел перед ней на корточках и совал ей в рот шоколадный батончик.

– Съешь это, съешь, – шептала девочка, держа ее голову так, что шею едва не сломала.

Она кусала и глотала вязкое белое вещество под коричневой коркой. Вниз, протолкнуть его по сухому горлу к желудку, еще раз и а ... а ... ах ... Медленно появляется, медленно поднимается и уже струится, уже струится по замерзшей реке теплый поток. Буря белых кристалликов над печеньем: бантики, звездочки, розовые бантики-губки, носики, соски грудей у голодных уст.

– Брюки на тебе? – спросила у мальчика, находясь еще не в себе.

– Конечно, – ответил он, не понимая.

– Это хорошо.

– А глянь, что у него есть, – девочка показывала в сторону батончиков Milky Way, разложенных на снегу, – еще девять осталось.

Млечный Путь, наш дом во Вселенной, растроганно говорила себе Катерина. Не знаю, что с нами в конце концов случится, но сегодня все обошлось хорошо.

Она встала на ноги, которые с каждой минутой наливались силой.

– Можно и нам взять? – спросила девочка, держа горсть батончиков в руке.

– Ну конечно, ты думаешь, что я все это съем сама?

Облако

Александра, которую все называли Сашей, сидела в кресле и курила. Много. Всю жизнь тянула одну за другой. Так никогда и не взялась за ум. У нее никогда не было последней сигаретки, а последняя пачка рождала в ее душе панику. Остаться без сигарет. Эти три слова для нее обозначали беду с острыми гранями. А что потом? Такое с ней случалось несколько раз. Страшно даже представить более отчаянное время. Не спится, не сидится, нет сигарет и нет на сигареты, и никто их тебе не даст. А со сломанной ногой, в гипсе по пояс, к киоску на улице не доковыляешь и с пятого этажа не слезешь, разве что из окна прыгнешь. Твой развратник-муж украл у тебя неприкосновенный запас и курит его где-то со своими потаскухами. Ты им совсем не завидуешь, и неважно, что он вдвует им, а не тебе. Чувствуешь зависть только к сигаретному дыму и пепельнице, в которой тлеют несколько окурков, и от этого тебя начинает коробить.

Пустая вилка из указательного и среднего пальцев напрасно поднимается к губам – там пусто, а тем временем те бабы, изъезженные, как машины, забывают стряхивать пепел, забывают втягивать дым и хохочут, давясь смехом от его шутки. «Где протерта рубашка молодой девушки? На груди! А рубашка замужней дамочки? В разрезе! А рубашка старухи? На заднице, ха-ха!» – Еще совсем недавно смеялась над этой шуткой и она, такая же статная и изъезженная, как они. Эх, братия-партия! Что могло сравниться с тем, когда после успешного представления, а успех был всегда, успех должен быть, она заходила в клуб пропустить рюмочку в баре, дальше – в винный погребок, а потом – «на хату». Выбор сделан – «на хату», возьми бутылку и сигарет, лучше две пачки. Да что там сигареты, ей все равно, что в рот брать, ха-ха!

Но сейчас ей бы хватило одной вытрушенной «Партизанки»ⁱ, пока не придет та чертова девка и не принесет новые пачки. Ах, пачка сигарет! Сорвав полоску станиоля и быстро покончив с серебряной оберткой, уже видишь ее содержание – фильтры, туго набитые в ряд, как патроны в патронташе. Теперь и «Партизанку» не выпускают, и ее уже не выпускают играть партизанок или пионерок. Сколько их сыграла! Три последние затяжки сигой за кулисами, поправишь галстук – и на сцену. Это был фурор, мужчины себе шеи сворачивали: девушка, которой она тогда была, дает пионерскую клятву в коротенькой юбочке, заплетенные косы, тугие, как канаты, красный галстук, красная помада. И работникам, и ударникам любо-дорого взглянуть на то, что натягивает ее белую рубашку. Здравствуйте, товарищи!

Куда исчезли те сценарии, где те роли, куда их подевали, куда засунули Фадеева, Островского, Когоутаⁱⁱ, того петуха недорезанного, что двадцать лет фальшиво горланил по «Радио Свобода»? Но тогда, когда играли его «Хорошую песню» по всей Чехии, на Востоке Словакии, в Снине, представь себе, и там был дом культуры... Боже мой, сколько там было сигарет – сейчас хотя бы одну. Хотя бы на пять минут вернуться в тот душный, битком набитый гастрольный автобус и вдохнуть пропитанный дымом воздух, где курили все: актеры, технический персонал, парткомовцы – все ребячились и шмалили, как партизаны в землянке.

Самое худшее – остаться без сигарет. Не спится, не сидится, лежишь, словно побитый пес или онкобольной после радиотерапии, с глазами серыми, как слюна, и без капли интереса смотришь в комнату, но не видишь ее. Так продлевают жизнь, которая не стоит ничего, но без него, без этого вдоха, что больно поднимает высохшую грудь, не можешь ни закурить, ни порадоваться этой сигарете. Может, смерть такая и есть: замрешь, сгниешь, стечешь в землю, сам того не замечая да все ожидая, что тебе вот-вот принесут сигареты, и единственное, что останется после тебя, – всего лишь страшная потребность вдохнуть курева.

Но у меня же есть! Все ее тело выпрямилось в кресле, а рука потянулась к полупустой пачке. А как себя пугаю! Как переживаю! Сейчас как затянусь! Она умышленно отвела огонь зажигалки чуть подальше от конца сигареты, чтобы с полузакрытыми глазами насладиться, как пустой воздух, струящийся в ее легких, постепенно заполнится сизым наркотическим ядом. А сейчас сделать приятный глубокий выдох, вот оно. Размытые контуры мира начинают приобретать четкость.

Ее взгляд остановился на книге, лежащей у пепельницы. Книга в черной глянцевой обложке, на которой бледно-желтыми буквами было написано: «ПРИЗНАНИЕ», а под ним – Артур Лондонⁱⁱⁱ. Фу, она всегда знала, что это ложь! У тех людей была одна цель – навредить партии. Никогда подобного не читала. Знала, что там будет. Мы все это знали заранее, что те сионисты... На прошлой неделе она принесла книгу из библиотеки, ее там выставили среди новинок. Почему все-таки ее взяла? Видимо, она показалась ей совершенно новой, как может быть новым то, о чем много слышишь, но в руках никогда не держал. Но теперь я ее прочитаю и сделаю выводы сама. Если бы вы нам это разрешили раньше, товарищи, возможно, и при власти до сих пор бы остались. Почему вы не доверяли рядовым коммунистам? Наверное, мы что-то неправильно делали, если этому Горбачеву удалось нас так распушить. Мы моментально ослабели и даже пальцем не могли пошевелинуть.

Она всегда объединяла паралич своей партии с ухудшением собственного здоровья. Иногда, когда захлебывалась от кашля, а ее больные мозговые клетки распускали мысли до диких гиперболических и эмоциональных взрывов, она чувствовала почти неразрывную связь между пагубной опухолью в своих легких и опущенными руками партийных органов. «Я поправлюсь, я должна подтянуться», – говорила себе после приступов кашля, будто ее выздоровление могло влить в партию новую силу, будто исцеление ее внезапно постаревшего тела могло мистически вернуть партию к живительному классовому подходу, к простым работягам, для которых она всю жизнь играла в театре агитки и классику. Народу подавай театр, успех, овации и смех! Товарищи, трудящимся нельзя доливать содовую в красный вермут. Она любила Италию, вермут и «bandiera rosa la triumfera»³. Хорошие парни, эти итальянцы. Умеют радоваться, танцевать, любить, повесить Муссолини за ноги вместе с его шляхой. Хорошие ребята и во Франции, сигареты «Голуаз», они как бритва для легких, их курили участники движения сопротивления и партизаны. Жаль, что там после войны выиграла реакция. Каким бы мог стать мир! Был бы похож на молодого Бельмондо из тех первых фильмов, где он сыграл пролетария. На Бельмондо при ней никто не осмелится посягнуть и сейчас. Наконец, реакция выиграла и здесь, где мир принадлежал нам⁴. А тот Верих^{iv}, он был модником, со своим брюшком и гвоздикой в петлице, типаж мужчины и шутника. Мы играли небо на земле⁵, а что из того осталось? В конце концов реакция победила и в партии, а она начала задыхаться и никак из этого не вылезет: груди пустые, как пакеты из-под молока.

А вот сейчас принесла домой эту книжную новинку и боится ее открыть. Никогда так не боялась. Ни при консолидации, ни во время партийных чисток, когда ее никчемный муж выбросил свой партбилет, а она его подняла, потому что поняла, чего хочет партия. Это только благодаря ей этот негодяй и выжил, а сейчас осчастлиливляет молодых баб. Пусть гуляет, пока может. Но, сукин ты сын, не бери моих сигарет. Она положила руку на книгу. Открыть, что ли? За дверью послышался спасительный стук. Наконец-то пришла эта чертова девчонка.

³ Фрагмент припева популярной песни левого рабочего движения Италии: текст написан Карло Туцци в 1908 году и положен на мелодию ломбардской народной песни.

⁴ «Мир принадлежит нам (Svět patří nám)» – начало и название песни Я. Восковца и И. Вериха. См. комментарии переводчика IV.

⁵ «Небо на земле (Nebe na zemi)» – название спектакля Я. Восковца и И. Вериха.

Девушка, которая принесла в пакете три булочки, ветчинную колбасу, бутылку минералки, а главное – три пачки сигарет, была не совсем девушкой. Это был двенадцатилетний мальчик с длинными кудрявыми волосами, небольшой, щупленький, хорошо воспитанный и красивый, как девушка. Его бледное лицо с аккуратным носиком и широко поставленными глазами не имело ни капли мужской агрессивности или многоречивой трусоватости – черт, которые были типичными для местных парней и мужчин. Его губы не делали гримас и кривых улыбок, а глаза не избегали прямого взгляда. В целом он создавал впечатление невинного и уязвимого существа, словно серна, которая заблудилась в городе. Возможно, поэтому Саша решила, а на решение она всегда была скоро, что это будет девушка, пусть он хоть сто раз Петр, сын матери-одиночки из соседнего дома, и называла его Павлой или Павлиной, а невинность серны или продуманное поведение, Бог ему судья, велели юноше оставить ее при своем мнении.

Саша не могла наглядеться на эту «девушку», на ее тонкие синие прожилки на висках, на подбородок-бородку, что для парня был бы коротковатым, но для девушки – в самый раз. Какую актрису из нее бы сделала! У нее врожденный талант: ходит почти как парень, но держит женскую грацию, даже с книжкой на голове не нужно тренироваться, ее шаг плавный, без утинового виляния и топота. Голову держит достойно, но при этом не путает достоинство с тщеславием, так как еще не догадывается о своем благородстве. Прекрасный типаж для роли Золушки, сыграть тот триумф в конце, но без ликования, и этим сразить зрителя еще больше, подобно непревзойденной Либушке Шафранковой^у. Этой нежной скромности надо научиться раньше, еще до того, как станешь женщиной, как осознаешь сама себя и то, что делаешь со своим окружением. Я с этим не справилась, я всегда была дикая и похотливая, первая во всем, как парень, как мужик. Не сидела в углу. Если мне мужик нравился, я умела его взять. А сейчас радуюсь только тому, что могу взять хотя бы сигарету.

– Молодец, молодец, – сказала она, погладив Павлу по волосам, и выложила покупки на кухонный стол.

– Держи, – дала «ей» десять крон чаевых, – а завтра не приходи, я выдержу. Но зайди в среду, в среду нужно хорошо скупиться, а если увильнешь, я на тебя обижусь.

– Я приду в два, после школы.

– Вот и хорошо, будь послушной и нигде не слоняйся. Беги прямо домой.

– До свиданья.

Что за очи, а какие длинные ресницы! Мир до тех пор прекрасен, пока в нем живут красивые маленькие женщины. А мне это к чему? Она вздохнула безрассудно глубоко и мигом вся скрутилась от приступа кашля, который ей удавалось сдерживать во время посещения Павлины. В этих угрожающих судорожных приступах, когда не знаешь, глотнешь ли снова воздух или, в конце концов, сдохнешь в темноте своих черных разодранных легких, ты вся захлебываешься — подобно тем, кого убивали без суда в казематах.

Кх... кх... кх. Набрать немного воздуха, осторожно, по ложке, по чайной ложечке, тихонько вдохнуть, осторожно надавить и а... а... ааах, удалось. Она открыла глаза. Солнечный свет наполнял комнату и пронизывал клубы сигаретного дыма, поднимающиеся над ее креслом и столом. Проклятое курение! Павел, Павлик, что же сыграем? Шекспира? Там всех красивых девушек и трагических бледных барышень всегда играли похожие на тебя ребята. И золотую девушку Виолу, и несчастную повешенную Корделию с синей шеей и высунутым, как у меня, языком. Эх! Плюнула в платок и с усилием сопротивлялась желанию закурить еще одну сигарету – хотя бы четверть часа, хотя бы пять минут. Но уже держала в руке зажигалку.

Она открыла книгу Артура Лондона и углубилась в чтение. Сначала ее все раздражало. И тот сострадательный тон, и те нарекания, и те патетические заявления. Будучи актрисой, она не любила интеллектуалов и никогда им не верила. Она была девушкой из народа, а если кто-то в ее присутствии использовал незнакомое иностранное слово, всегда могла осадить его словами: «Со мной можешь запросто говорить по-латински». Рабочие и трудящиеся, не пропитанные бидермейером^{vi} своих мамочек и библиотеками своих буржуазных папочек, они умели выдерживать, они знали, что нужно партии и кто по какую сторону баррикады, они понимали, что партия иногда ошибается, но все равно имеет в себе контрольные механизмы, возвращающие ее на правильный курс, а поэтому не нужно лить слезы за каждой мелочью, за каждой расквашенной мордой. Ну и что с того, что мы плакали за Дубчеком^{vii}, за Сашенькой, куда бы это нас привело? Реальность была иной. Настоящим партийцам, в отличие от тебя, Артур Лондон, было известно, что при строительстве может случиться всякое: на кого-то машина наедет, кого-то задавит, а поэтому дело не бросали.

Думая подобным образом, она пробиралась первыми страницами враждебной книги. Признание, признание! Некоторые места книги ее захватывали, другие трогали. Курила одну за другой и поглощала страницы со странным кощунственным упоением. С удивительным волнением понимала, что никогда бы не позволила, чтобы кто-то в

подобном стиле говорил о Гонде Запотоцком^{viii}, о Готвальде, но все равно не могла оторваться. Ее высокомерный излет бровей поник под тяжестью морщин, а сардонически собранные губы вдруг стали тонкими и сухими. Как будто против того, что лезло на нее из книги, не могла ничего лучшего придумать, как курить, курить и курить еще больше, чтобы утопить это признание в облаке дыма.

Но это облако уже обволокло ее голову. Стало так душно и тяжело, словно к ней приблизилось какое-то худое потное тело и начало тереться об нее, тяжело сопя над ее лицом, как будто на нее бросили исхудавшего, измученного человека, а в нем она узнала саму себя. Как после страшной терапии, когда тебя бьют головой о стену и не дают спать. Как после страшной терапии, когда тебя облучают кобальтовой бомбой. Мозг просветлел, в нем нет ничего нового, ничего, чего бы не знала, каждое лицо, каждую фотографию узнала бы, но уже все по-другому. Или я была не в своем уме тогда, или схожу с ума сейчас. Эти две руки не могут пожать одна другую, они теперь иные, а это значит, что каждая из них принадлежит разным людям. Получается, что в этом облаке, в этой духоте, в этом до рвоты раскачанном хаосе существуют два человека, которые никогда не знали друг друга.

– Ну и накурено здесь у тебя!

Здесь кто-то есть, он открыл окно и впустил в комнату холодный воздух и шум дождя. Этот кто-то оказался Сашиней дочерью Ивановной.

– Ты что здесь хозяйничаешь, – сердито окрикнула Саша. – Когда ты мне нужна, то тебя не дожدهшься, и за сигаретами я вынуждена девчонку посылать, а теперь ты мне проветривания здесь устраиваешь. Думаешь, что я окно не открою? Была бы я в таком состоянии, то уже давно бы сдохла от вашей заботы.

– Мы зашли с Эмилем спросить, может, нужно чего, и принесли тебе лекарства, – сказала Иванна, на которую, очевидно, крик матери не действовал.

– Эмиль тоже здесь? Эмиль, привет! Эй, молодежь, у меня уже нервов на посетителей не хватает. Сварите себе кофе, выпейте рома или чего там найдете, старик, наверное, выдул еще не все, присядьте где-нибудь, и чтобы тихо мне. И не выключай мне телевизор, – закричала на дочь, когда та уже было хотела выключить большой телевизор.

– Так ты все равно читаешь.

– Пусть работает, мне так спокойнее. И закрой, наконец, это окно. Ты что, смерти моей желаешь?

– Вы читаете «Признание» Артура Лондона? – удивился молодой человек, неловко стоя на пороге комнаты.

– Представь себе, да. А ты, наверное, это читал еще в том... в том вашем самиздате, верно?

– Верно, еще в эмигрантском издании.

– Я знаю, от Тигрида^{ix}, из Парижа. Его теперь по телевизору всю расхваливают за заслуги перед народом. А что он про народ-то знает? Всю жизнь просидел за границей, посылал нам эти книжонки и имел за них хорошие деньжонки. Как тот Гавел, которому сейчас возвращают дворец «Луцерна»^x и киностудию «Баррандов»^{xi} – вот цель вашей славной революции. Но...! – Саша со злостью погасила длинный окуроч в пепельнице. – Получили, что хотели, а мне, мне уже все равно, все равно. Оставьте меня в покое!

Молодые зашли на кухню и выложили покупки. Выпили немного рома и смущенно молчали. На кухонном столе остался только пакет с лекарствами, который принесли из аптеки.

– А куда детей подевали? – крикнула Саша из комнаты.

– Дома они, часок и без нас посидят, – ответила дочь.

– Тогда уж лучше ступайте, чтобы они вам ничего там не подожгли.

– Вот твои лекарства, принимай их, как написано на упаковке. – Дочь положила пакет между пепельницей и закрытым «Признанием». – Как ты себя чувствуешь, мама? Что с тобой? Как ноги?

– Как себя чувствую, хочешь знать... Как чувствую? Да так себе, так... – Саша быстро поднялась и обеими руками стянула перед дочерью и зятем домашние брюки, и их глазам открылись ее мраморные, налитые ноги и обвисший живот. – Вот такие мои дела, дети. Такое ведь не показывают, правда? – Она снова натянула брюки и заправила рубашку. – Вы уже все увидели, поэтому адью.

– Ты должна принимать лекарства, они помогают при отеках, этот “Фуросемид!” – попыталась убедить дочь.

– Вам нельзя курить, – добавил Эмиль, быстро пряча свою зажженную сигарету.

– А сексом заниматься можно, господин доктор? – отрезала Саша и залилась своим хриплым смехом так, что было слышно за дверью.

– А в больницу лечь наотрез отказывается. И знаешь почему? – спросила Иванны у мужа, когда они спускались вниз по лестнице.

– Наверное, потому, что там курить запрещено, – предположил Эмиль.

– Невыносимая баба, – подытожила Иванна безапелляционно.

«Если бы это сказал я, то мы поссорились бы», – подумал обеспокоенно Эмиль. С недавних пор он стал замечать в молодой Иванне черты старой Саши.

В дверях дома напротив стоял невысокий мальчик с длинными волнистыми волосами и смотрел на них. Надвинутый на лоб капюшон красной куртки обрамлял его открытое, не по-детски серьезное лицо.

– Посмотри на того парнишку, – сказал Эмиль супруге. – Ты его знаешь?

– Это та девушка, что мать посылает за сигаретами.

– Так ведь это мальчик!

– Ну понятно, что мальчик.

– А чего она обращается с ним, как с девушкой, когда это мальчик?

– Ведь ты ее знаешь. Ей известно, какими должны быть вещи. На вид он как девушка, значит, будет девушкой, и все тут.

– Невыносимая баба, – заключил Эмиль, даже рискуя поссориться.

Отведя глаза от чтения, она апатично скользила взглядом по милым вещицам, по старым запыленным безделушкам в шкафу и на стене. Гондола из Венеции, которая когда-то двигалась и играла на подставке, пока ее кто-то не испортил, сломав гондольера с веслом. Кукла из Испании в кружевной мантии. Цветные блюдечка и рисовые палочки из Вьетнама. Пьеро на веревочках с пыльным колпаком на голове. Небольшой украшенный возембоух^{xii} с тарелками и бубенцами, бум-бум тра-та-та, звенит глухо, как воспоминание о пьянках в театральном гримерном. Стертая бронза маленького бюста Владимира Ильича, едва заметного между книгами за стеклом. Молодая женщина с длинными косами и пионерским галстуком на черно-белой фотографии в стеклянной раме. Боже мой, какой я была!

Видишь, Павлинка, я чего-то стоила, я – невыносимая баба, так про меня говорят, но я поди хуже. Я умею быть несправедливой, бешеной, умею ругаться, умею и соврать, если нужно. Но не могу лгать самой себе. Себя не обманешь.

Знаешь, милая Золушка, жизнь совсем не сказка, этому я научилась во время войны, в том лихолетье, в тех злодействах, когда если ты не возьмешь, то никто тебе не даст, поэтому брали мы, забрали все, что могли, так как мир наконец принадлежал нам, как пели эти два красавца, правда, первый решил, что лучше остаться в Америке, а второй потом удачно сменил цвет. Тогда мы боролись за наш мир. Наш, не их, наш.

Понимаешь? Ты не можешь себе представить, какие страшные тогда были времена, но по-другому было невозможно. В этом – вся суть классового подхода. Старое должно уступить дорогу новому, и для некоторых людей там совсем места не было, а вот теперь я тоже постарела. Ты можешь взять все понравившиеся безделушки, заведи их домой. Зачем они мне теперь? Старый хлам никому не нужен.

Она закрыла глаза руками, крепко прижав к ним худые кулаки, словно хотела себя ослепить подобно тому Эдипу, который спал со своей матерью и убил собственного отца. Из-за такого она бы себя никогда не ослепила. Она всегда любила странные истории и знала, что может произойти все, что угодно, ибо люди способны на все. Поэтому и нужно, чтобы над ними существовала какая-то сила. Что-то или кто-то, кому больше любого самовлюбленного дурака известно, что будет лучше для него и как будет лучше для всех дураков. Эмиль, так называемый муж Иванны, считает, что этот кто-то есть Бог, который дергает всех самовлюбленных дураков за веревочки. Как может молодой человек с высшим образованием верить в такие глупости? А чей Бог их вел в газовые камеры? Ведь он с ними цвай и пара! Да такого Бога, Эмиль, такого Бога... Она не договорила, но почувствовала, как после глубокого вдоха воздух бесцельно выходит из нее наружу. Потому что перед собой на столе увидела книгу «Признание», а за собой вдруг почувствовала пустоту. А как же улица, по которой еще шествует толпа, демонстрация, большая демонстрация, которую не остановит гибель одного товарища? Ничего не осталось. А как же партия, которая знает лучше всех? Свободные стулья. Зал пуст, как после нападения грабителей: лозунги перекошены, ленты из гофрированной бумаги порваны, и только суки, суки оппортунистические подсчитывают свою прибыль, радуясь деньгам, больше тем иностранным – американским долларам, немецким маркам. Ей вдруг захотелось вскочить и биться головой об стену, подобно тем коммунистам, подобно тем людям, которые верили партии и ее идеалам, хотя их били головой о стену и учили, что нужно говорить, что должен слышать народ!

С одной сигаретой, тлеющей в пепельнице, и второй, зажатой в губах, она набрала номер дочери.

– Алло... Нет, ничего, а что бы могло случиться? Эмиль дома? Дай ему трубку. ...Эмиль, Эмильчик, чем занимаешься? ... Это хорошо. Знаешь, заходи ко мне, только быстро, сейчас. Нет, врача не надо. Я приглашаю тебя на кофе, но прямо сейчас. А по дороге купи мне ... да ... две, пожалуйста. Тогда до встречи!

Снова эти зеленые двери. Казалось, что на них отразился образ благосного лика, обрамленного красным кругом. Эмиль остановился и попытался вспомнить, откуда он знает того мальчика, которого теща перекрестила на девочку. Он где-то его видел, где-то точно встречал, но там все было каким-то необычным, все то окружение было совершенным и не подчинялось этой нечистой улице, этим раздолбленным зеленым воротам, между полуоткрытыми створками которых зияли грязные ступени. Там, за створками, помещение нефа удлинилось, а вдалеке пред алтарем было что-то словно в объятиях света. Что-то похожее на целомудренную грудь, что льнет к лучам света, ниспадающим сквозь множество узких окошек, будто чистое полотно. Только правильно построенные костелы достигают такой игры света и в пасмурный день. Костел св. Павла в предместье был сооружен хорошо. Наверное, он остался единственным благородным зданием на всей площади, так как на первых этажах соседних домов, ослепших от грязи и упадка, уже давно поселились забегаловки, ломбарды и игорные дома, на чьих заклеенных витринах черно-желтые рожи веселых джокеров обещают джек-поты и мешки, полные денег, а красные сердца на окнах верхних этажей советуют, на что их потратить. От закусовых и мясных лавок несет несвежим мясом и в нерабочие дни, и в воскресенье, когда мимо них горстка людей спешит к костелу. И там, в костеле, куда забрел совсем случайно, Эмиль заметил мальчика Павла, который в накрахмаленной рясе министранта совершал первое чтение из Библии. Читал очень хорошо, тяжелые старозаконные слова произносил без запинок и даже без местного акцента. Эмиль не ожидал, что кто-то из местных может так читать, поэтому направился вдоль колонн поближе к алтарю, чтобы собственными глазами увидеть и разглядеть, кто это. Так этот маленький служитель Бога бегаёт за сигаретами для Саши? Этот маленький прислужник этих, как бы она выразилась, чернорясников и есть той Павлой, Павлинкой, с образом которой Саша целыми днями разговаривает, словно с ангелом?

Для некоторых вещей ангелов недостаточно, их нужно обсудить с людьми.

– Скажи мне, Эмиль, ты в это веришь? – она бросила книгу перед Эмилем на стол. – Ты считаешь, что все так и было? Что действительно сажали и убивали невиновных?

– Да. Я думал, что это каждому уже давно понятно.

– Но я – не каждый, и мне это никогда не было понятно, хотя я в то время жила и состояла в партии.

– А те процессы и репрессии в самом начале, разве это были не преступления?

– Какие процессы?

– Над участниками движения сопротивления, генералом Пикой^{xiii}, чешскими пилотами британских ВВС^{xiv}, Миладой Гораковой^{xv} – это не были преступления?

– Так ведь это другое, это совсем другое! Я тоже видела, как его повесили, этого чертового Пфицнера^{xvi}, как он сучил ногами на эшафоте, немчура, эсэсовец! Я там присутствовала, казнь была публичной.

– Господи, я не имею в виду Пфицнера! Я говорю о чешских патриотах, которых Готвальд послал на виселицу.

– Но они не были нашими, понимаешь, они были подсланы из Лондона, хотели восстановить капитализм. Они были против нас.

– Против кого?

– Ну, против коммунистов! Это была реакция. Не понимаешь? Это была классовая борьба. Или они, или мы. Или социализм, или власть буржуазии. Тебе может это не нравиться, но тогда была война. Это совсем другое, чем то, когда коммунисты казнили честных коммунистов. Это ужасно!

– А как же смертные казни народных социалистов и других...

– Диверсантов, – перебила его.

– А эти казни вам нравились? С ними было все в порядке?

– Нравились? Это слово не подходит. Конечно, было бы лучше без них. Но тогда так было. Если мы хотели вести этот народ, нам нужно было устранить классового врага. Ведь это говорил Ленин, не Сталин, Ленин! Понимаешь?

– Не понимаю и не хочу понимать.

– Как не хочешь?!

– Потому что здесь и понимать-то нечего.

Саша посмотрела на него, на этого человека с взъерошенными волосами, и на мгновение увидела его в ином свете. Набирая воздух в легкие и распаляясь, чтобы ему хорошенько дать понять, что так с ней не разговаривают, она внезапно почувствовала страшную слабость. Лицо Эмиля начало удаляться от нее в этом душном облаке, в этом хаосе, где действительно понимать было нечего. Потому что честных коммунистов молотили головой о стену, потому что лгали их женам, выкручивались, боялись. Все боялись. Что говорил Сланский^{xviii}? Что говорил Готвальд? Антонин Запотоцкий? О чем

говорили Гусак^{xviii}, Червоненко и Брежнев? Это ваше дело⁶. Так чьих же рук это дело? Что же ты мне рассказываешь, Эмиль?

– Тебя не молотили головой о стену.

– Вас тоже нет.

Твоя правда, так противно ее слышать. Меня не молотили головой о стену, поэтому в ней не прояснилось, только сейчас, когда все, все позади. Она сделала очень длинную затяжку, как будто это могло ее спасти, подобно тем осужденным с завязанными за спиной руками. Им засовывали сигареты в рот. Покури, товарищ, перед тем, как будешь дрыгать ногами на эшафоте, как тот Пфицнер, как тот Сланский... душно, душно. Комната переворачивается, как коробка. Почему эта идиотская люстра растет из пола, почему я не могу вылезти из этой ловушки? Колени у подбородка, удушье. Павла, Павлинка, Золушка милая, вот так я лежу на земле. Видишь меня, Эмиль, видишь, до чего вы меня довели?

Он поднял ее с пола и отнес на кровать – она была легкой, как перышко.

– Дышите, медленно дышите. Это пройдет, – Эмиль успокаивал ее, но сам был напуган. – Я не хотел этого.

– Ты к этому не причастен, ты... – она бормотала обессилено. – У тебя своя правда, а мне уже ничего не нужно, понимаешь, ничего, ничего! Он схватил ее руку и нащупал артерию на запястье. Ее сердце дребезжало, как звонок старого механического будильника. Дррррррррррррррррррррррррррррррррррррр!

– Держитесь, все будет хорошо, – убеждал ее Эмиль, набирая номер скорой.

– Ничего уже не будет хорошо, понимаешь, ничего, – ответила ему и потеряла сознание.

– Ваша мать находится в так называемой терминальной стадии, – сказал им врач в коридоре больницы, который в дождливый пасмурный день казался подземельем.

– Это так называемое легочное сердце. То есть ситуация, когда легкие не могут насыщать кровь достаточным количеством кислорода, а сердце реагирует на это повышенным биением, вследствие чего в тело поступает кровь с малым содержанием кислорода. Нужно сказать, что эти легкие, собственно, и обессилили ее сердце. Хотя мы

⁶ Слова, сказанные Л.И. Брежневым при отлете из ЧССР во время его официального визита 8-9 декабря 1967 г. Они были расценены как нежелание советского руководства вмешиваться во внутрипартийные дела страны в связи с ослаблением позиции Президента ЧССР и первого секретаря ЦК КПЧ того времени – А. Новотного, что привело к переизбранию нового секретаря ЦК КПЧ – А. Дубчека – в январе 1968 года.

даем ей кислород, но учитывая полное истощение и слабость вашей матери, я не хочу вас обнадеживать безосновательно.

– Я понимаю, – ответила Иванна. – И когда ожидать...?

– Трудно сказать, сегодня, завтра, возможно, это будет продолжаться еще некоторое время.

Иванна с Эмилем вошли в палату. Тело матери буквально исчезло под одеялом, осталась только голова, глубоко вдавленная в подушку. Кислородная трубка, заведенная в нос, была такой же прозрачной, как и ее лицо. Так исчезает человек. Было совсем нетрудно представить, как через определенный короткий промежуток времени между одеялом и простыней ничего не останется. Через какое-то короткое время, ибо как долго еще будет дребезжать тот механический будильник в груди, как долго еще можно возвращать к жизни человека в терминальном засыпании? Будто время, которое закончится через минуту, было тем единственным, о чем возможно было думать в эти секунды. Это плохо, плохо, плохо, повторял про себя Эмиль, а затем, хотя это казалось неуместным и бессмысленным, поздоровался вслух: «Здравствуйте!» Они оба вздрогнули, услышав его голос. Но Сашины веки начали понемногу, как в замедленном кино, открываться. Открытый глаз сначала был полностью пустым и посторонним, как глаз слепого, но потом стал заостряться – невидимая искра зажгла в нем маленький огонек.

Я все еще здесь. Вот если бы кто-то открыл окно, вот если бы подул ветер и разнес это плотное облако, сквозь которое она не видела людей и не знала, добрые они или злые, помогут или обидят. Обидят, а что ей будет? Попробовала улыбнуться при этой мысли, но губы не слушались, словно кто-то напихал ваты в рот. Улыбнуться, представив, как кто-то пытается ее обидеть, когда каждое телесное повреждение принесло бы ей только освобождение. Едва-едва, словно утраченная мысль, что не дает покоя, ее все еще интересовало, что творится на окраинах ее облака, этого дыма, который уже никогда не вдохнет, потому что нечем. Уже никаких вдохов, ей что-то ввели в нос, чтобы не умерла, но если вытащат, она умрет.

Но уже достаточно, вытащите. Умоляю вас, вытащите. Вытащите меня на тот эшафот, убейте меня так, как вы убивали всех, я не буду исключением, не буду, не буду... Что-то сильно заболело. Какие-то силуэты наклонились к ее облаку, кто бы это был? Неужели мама и папа склонились над моей колыбелью? А я слабее ребенка, и руки не поднять. Не поднять руки, чтобы защититься, поэтому забирайте меня, судите меня, тащите меня, бейте головой о стену, товарищи-братья, теперь я сопротивляться

не буду, я признаюсь во всем, не прячьтесь в этом облаке, у меня уже нет ничего, что вы могли бы взять.

Дверь в палату распахнулась, и в них появилось лицо мальчика в обрамлении длинных волос. Пришел-таки, сказал про себя Эмиль, который через священника передал ему известие о том, что пани, для которой он бегал за сигаретами, лежит в больнице и ей плохо... очень плохо, и если бы он хотел еще раз ее увидеть...

– Подойди, Павел, – сказал Эмиль и указал мальчику на место возле Сашиной койки.

И случилось так, что неподвижный воздух всколыхнулся, а облако начало распадаться, и в исчезающих сгустках слепоты Саша увидела двух больших людей, мужчину и женщину, а между ними себя, девушку, какой никогда не была, но всегда желала быть. А потом к ней пришло понимание. Она почувствовала, что ее уже нет на той убогой койке, что она уже там, в ясно-золотистом образе, выше всех облаков, куда принадлежит человек.

КОММЕНТАРИИ ПЕРЕВОДЧИКА

^I «Партизанка» – легендарная и популярная марка сигарет без фильтра, которые производились в Чехословакии до 60-х г. XX в.

^{II} Павел Когоут (1928) – известный чешский и австрийский драматург, поэт и прозаик. Дебютировал в 1952 г. пьесой «Хорошая песня» и поэтическим сборником «Стихи и песни», которые воспевали коммунистический режим и социалистическое строительство. В 1967 г. на IV съезде Союза чехословацких писателей (СЧСП) публично прочитал письмо протеста Солженицына с критикой режима. Активно поддерживал движение по либерализации «Пражская весна», за что в 1969 г. был исключен из рядов КПЧ и СЧСП. В 70-х годах его произведения не публиковались, писатель не мог устроиться на работу. Был одним из основателей инициативы по защите гражданских прав «Хартия-77». В 1978 г. переехал в Вену, где работал драматургом и корреспондентом на «Радио Свобода». Вернуться на родину ему не позволили, лишив чехословацкого гражданства. С 1980 г. вместе с женой живет и работает в Вене, часто посещает Прагу.

^{III} Артур Лондон (1915-1986) – чехословацкий политический деятель, с 1948 г. – заместитель министра иностранных дел ЧСР. В 1951 г. был арестован и проходил по делу Рудольфа Сланского в показательном политическом процессе. За сионизм и троцкизм был приговорен к пожизненному заключению, освобожден в 1955 г. и реабилитирован в 1963 г. После переезда во Францию написал автобиографический роман «Признание» о пережитом процессе и своем

заклучении. По его книге Коста-Гаврас снял в 1970 г. фильм с Ивом Монтаном в главной роли. Эта картина считается одним из лучших фильмов о политических процессах.

^{IV} Ян Верих (1905-1980) – чешский актер театра и кино, драматург и сценарист, известный деятель довоенного и послевоенного театрального авангарда, писатель. В 1926 г. дебютировал в «Освобожденном театре» в дуэте с Иржи Восковцем (1905-1981), с которым успешно сотрудничал до 1937 г. в многочисленных театральных постановках, в частности в жанре политической сатиры. В 1938 г. оба актера эмигрировали в США, откуда вели широкую антигитлеровскую кампанию. После Второй мировой войны они возвращаются домой, где в 1946 г. на короткое время открывают свой театр «V + W» (B + B), но из-за политической ситуации и невозможности работать в любимом жанре театр был закрыт. В 1948 г. Иржи Восковец через Францию эмигрировал в США, снимался в Голливуде (напр. в фильме «12 разгневанных мужчин»). Ян Верих остался в Чехословакии и работал во многих театрах Праги, в 1963 г. был удостоен звания народного артиста. В 1977 г. он подписал «Антихартию-77» – документ-реакцию режима против проявления инициативы по защите прав человека, изложенной в «Хартии-77».

^V Либуше Шафранкова (1953) – популярная чешская актриса кино и театра. Известна российскому зрителю по роли Золушки из фильма-сказки «Три орешка для Золушки» (1973). Снималась в кинофильмах «Праздник подснежников», «Коля» (получил премию «Оскар»), «Русалочка» и проч.

^{VI} Бидермейер – художественный стиль, сложившийся в немецком и австрийском искусстве, архитектуре и дизайне в первой половине XIX в. Бидермейер является ответвлением романтизма, пришедшего на смену ампиру, поэтому его иногда называют «смесью ампира с романтизмом». В бидермейере отразились представления бюргерской среды, формы стиля ампира преобразовывались в духе интимности и домашнего уюта. Фактически является олицетворением немецкой мещанской культуры.

^{VII} Александр Дубчек (1921-1992) – чехословацкий политический деятель, член словацкого движения сопротивления во время Второй мировой войны, первый секретарь КПЧ в 1967-1969 гг. Был инициатором «Пражской весны», которая шла вразрез с политикой СССР и привела к вводу войск Варшавского договора в ЧССР в 1968 г. Был арестован советскими войсками и в 1970 г. исключен из партии. В 1989 г. выступал с демократическими речами, после падения режима был избран спикером чехословацкого парламента, а затем переизбран в 1990 г. Погиб в автокатастрофе.

^{viii} Антонин Запотоцкий (1884-1957) – чехословацкий политический деятель. Занимал должности премьер-министра Чехословакии в 1948-1953 гг. и президента Чехословакии в 1953-1957 гг. В послевоенной Чехословакии вместе с первым секретарем ЦК КПЧ и президентом страны Клементом Готвальдом в 1948-1953 гг. проводил репрессии и показательные процессы (в частности, над Рудольфом Сланским и Миладой Гораквой). После Готвальда продолжил жесткий курс репрессий.

^{ix} Павел Тигрид (1917-2003) – чешский писатель, журналист и политический деятель, один из ярких представителей чешской антикоммунистической эмиграции. Стал одним из основателей чешского отделения «Радио Свобода». До конца своей жизни был его сотрудником, где со свойственны ему остроумием и сарказмом резко выступал против деспотизма тоталитарного коммунистического режима. С 1956 г. начинает издавать журнал «Свидетельство» – чешский периодический самиздат, который был основан в США, но позже его штаб-квартира переехала в Париж. После 1989 г. работал советником президента Вацлава Гавела, а затем – министром культуры.

^x «Луцерна» – дворец, который представляет собой многоцелевое здание, расположен в центре Праги. Строился в 1907-1921 гг. по проекту архитектора Вацлава Гавела (деда президента Вацлава Гавела) и изначально был задуман как зимний стадион. Дворец был одним из первых железобетонных зданий в Праге. После 1989 г. дворец «Луцерна» во время реституции был возвращен семье президента Гавела.

^{xi} «Баррандов» – чешская киностудия, основанная в 1921 г. братьями Вацлавом и Милошем Гавелами (первый из них – отец президента Вацлава Гавела).

^{xii} Возембоух – чешский народный музыкальный инструмент. Название *vozembouch* происходит от *vo zem* = разг. об землю, *bouch* = междометье от толочь.

^{xiii} Гелиодор Пика (1897-1949) – чехословацкий генерал, активный участник движения сопротивления против фашистской оккупации. В феврале 1948 г. был арестован и обвинен в государственной измене в сфабрикованном процессе. Приговорен к смертной казни через повешение, реабилитирован посмертно в 1968 г.

^{xiv} Речь идет о чехословацких летчиках британских ВВС, воевавших во время Второй мировой войны на стороне Великобритании. После 1948 г. они и их семьи преследовались коммунистическим режимом ЧСР.

^{xv} Милада Горакова (1901-1950) – чехословацкий политик и общественный деятель. Была казнена коммунистической властью ЧСР после сфабрикованного процесса. Это был первый показательный процесс на территории Чехословакии. Всех обвиняемых пытками и угрозами заставляли выступать на суде по заранее написанному сценарию, лишь некоторые, в том числе Горакова, проявили смелость и силу отступить от него и твердо защищаться. Горакова и трое других обвиняемых были приговорены к смертной казни. Известие о смертном приговоре для Гораковой вызвало большой резонанс в мире. С просьбой сохранить ей жизнь выступили многие известные деятели, в том числе Альберт Эйнштейн, Уинстон Черчилль, Элеонора Рузвельт. Однако коммунистическая власть оставила приговор в силе, и Милада Горакова была повешена. Ее имя в современной Чехии стало одним из символов жертв коммунистических репрессий.

^{xvi} Йозеф Пфицнер (1901–1945) – профессор, чешский историк немецкой национальности, в 1945 г. был осужден к смертной казни через повешенье по обвинению в сотрудничестве с немецким оккупационным режимом.

^{xvii} Рудольф Сланский (1901-1952) – чехословацкий политический деятель, генеральный секретарь КПЧ (1945-1951). После 1948 г. был одним из главных организаторов коммунистического террора. В ноябре 1951 г. вместе с 14 лицами, в основном высокопоставленными членами КПЧ еврейского происхождения, был обвинен в шпионаже, государственной измене, диверсии и разглашении военной тайны на сфабрикованном показательном процессе. Признание в «преступлениях» было достигнуто при помощи пыток. Почти всем обвиняемым был вынесен приговор смертной казни через повешение. Реабилитирован в 1963 г.

^{xviii} Густав Гусак (1913-1991) – чехословацкий политический деятель, президент ЧССР. После коммунистического переворота в 1948 г. был поначалу политически успешным, но в 1950 г. вместе с другими членами КПЧ был обвинен в буржуазном национализме. В 1954 г. на показательном процессе приговорен к пожизненному заключению. В 1963 г. был полностью реабилитирован. В 60-х гг. выступал сторонником реформ и «Пражской весны». В апреле 1968 года стал заместителем председателя правительства и инициатором конституционного закона о федеративном устройстве ЧССР. С 1969 по 1975 гг. занимал ведущие посты в КПЧ, с 1975 по 1989 гг. – президент Чехословакии.

2. КОММЕНТАРИЙ К ПЕРЕВОДУ

В данном разделе рассматриваются многоуровневый переводческий анализ исходного текста, определяется избранная переводческая концепция, дается обоснование метода перевода с последующим разбором различных проблем, возникших в ходе перевода, а также наводится классификация переводческих сдвигов, имеющих место в целевом тексте. Все ссылки на исходный и целевой тексты обозначены, как «О» – текст-оригинал и «П» – текст-перевод, и наводятся с указанием номера страницы, на которой находится упоминаемый пример.

2.1. Переводческий анализ

Предлагаемый к рассмотрению переводческий анализ представляет собой многоуровневый анализ исходного текста, являющегося художественным произведением. Вследствие этого кроме анализа его вне- и внутритекстовых аспектов будет проведен и функциональный анализ, который позволит определить систему выполняемых текстом функций и вскрыть его сложную интертекстовую структуру.

2.1.1. Внетекстовые аспекты

В данном пункте мы предлагаем проанализировать исходный текст с учетом его коммуникационно-прагматического и семиотического аспектов. Коммуникационно-прагматический анализ поможет раскрыть ряд важных вопросов, необходимых для более глубокого понимания текста-оригинала, например: определить характер взаимодействия автора и читателя в акте коммуникации, осуществляемом посредством сообщения (художественного произведения), выявить отношение автора к сообщаемому и адресату, а также воздействие текста на адресата (эмоциональное, интеллектуальное, эстетическое), определить цели и задачи сообщения и др. Семиотический аспект анализа нацелен на обнаружение в тексте оригинала элементов «чужого» культурного кода времени и пространства для разработки концепции их адекватной передачи в переводе.

2.1.1.1. Автор – текст – читатель

Исходный текст принадлежит перу современного чешского писателя – Яна Балабана. Не смотря на свою скоропостижную смерть в 2010 году, этот литератор продолжает пользоваться большой популярностью в Чешской Республике (ЧР). Можно с уверенностью сказать, что последнее двадцатилетие в чешской литературе прошло под знаком Яна Балабана. В 2011 г. его сборник рассказов «Возможно, мы уходим» за результатами самого престижного литературного конкурса ЧР – *Magnesia Litera* – был объявлен книгой последнего десятилетия. Его произведения были трижды удостоены этой премии в различных номинациях и дважды занимали первое место в общественном опросе «Книга года», проводимом газетой *Lidové noviny*. Все это свидетельствует о широком признании писателя со стороны критиков и читателей.

Что касается биографических данных об авторе, первоначально следует отметить его происхождение. Писатель вырос в семье врача с сильной протестантской традицией (почти все родственники по линии отца – протестантские пастыри), поэтому вопросы духовных поисков очень отчетливы в его творчестве. Почти всю свою жизнь писатель провел в Остраве – городе, проходящем красной нитью в его поэтике. Ян Балабан получил филологическое образование в Университете Палацкого в Оломоуце и долгое время работал техническим переводчиком на остравских металлургических заводах. Во второй половине 80-х годов писатель публикуется в самиздате, вместе со своим братом, известным художником Даниелем Балабаном, инициирует учреждение литературно-художественного общества «Натуралы», андеграундная деятельность которого заключалась в распространении критики в адрес существующего в то время тоталитарного режима. После Бархатной революции 1989 г. Ян Балабана – в вихре культурно-общественной жизни Чехии: занимается издательской деятельностью и переводами художественной литературы с английского языка, работает как художественный критик, публицист и искусствовед, пробует себя в жанре комиксов и драматургии. С выходом в свет сборника рассказов «Средневековье» в 1995 г. автор заявляет о себе как о талантливом писателе. Все его последующие книги – прозаический сборник «Божья веревка» (1998), сборники рассказов «Каникулы» (1998), «Возможно, мы уходим» (2004), «Мы все еще здесь» (2006), романы «Черный баран» (2000), «Куда шел ангел» (2003), «Спроси у папы» (2010) – были встречены с большим читательским вниманием.

Для бакалаврского перевода нами были отобраны два художественных рассказа «Млечный Путь» и «Облако», которые вошли в сборник рассказов «Мы все еще здесь. Повесть из десяти рассказов», опубликованный в 2006 году. Следует отметить, что большинство книг Яна Балабана – это сборники рассказов или новелл, связанных между собой. Как очевидно со второго названия, книга являет собой «повесть из десяти рассказов», замкнутых в круг общей судьбы, главные герои которых выхвачены в периоды их духовного и физического перелома, в момент разрушения их стереотипов, мироощущений и самой жизни. Изображая жизнь своих героев на грани, автор стремится найти корни каждой человеческой трагедии, распутать клубок деформированных семейных отношений, выявить личные проблемы, а также опосредованное травмирование исторической действительностью. В личные драмы, которые затрагивают глубины человеческой экзистенции, неожиданно проникает нечто извне – стук в дверь, улыбка или взгляд на фотографию на стене – свет, который мобилизует внутренние силы и заставляет снова перевернуть песочные часы человеческой жизни, подтверждая, что «мы все еще здесь». Мы – это не только переплетенные и связанные воедино судьбы героев десяти рассказов, но и мы сами как часть одной бесконечной повести, в которой также возможны утешение и надежда [1].

Фундаментальные вопросы человеческой экзистенции, обнаженные автором в этой книге – в чем смысл жизни, каким содержанием его нужно наполнить, почему он так часто пропадает, теряется в мелочах – нашли горячий отклик у чешских читателей, которым импонировали ее открытый финал со слабым проблеском надежды, широким интеллектуальным посланием, мощной экспрессией и острым напряжением сюжета. Популярность рассказов автора говорит о его мастерстве создавать произведения, отличающиеся большой силой эстетического воздействия на адресата. Что касается отношения Яна Балабана к читателю, то в одном из своих интервью он достаточно четко определил свою творческую манеру и свое писательское послание: «Я определенно против того, чтобы занимать относительно читателя слишком ласковую или сочувствующую позицию. Журналистам сейчас постоянно советуют: «Думайте о читателях, о том, что вы пишете для простых людей». Я не пренебрегаю простыми людьми. Но простые люди – не глупые люди. Еще Юлиус Френдлих, мой учитель по теории перевода... говорил, что человек не рождается глупым, но им становится. Поэтому глупость он считал за грех. И в этом я буду безжалостным как к себе, так и к другим: я не пишу для дураков. Я просто хочу быть как можно более прецизионным. То, что я написал, должно стать тем лучшим, что я могу сказать остальным» [14]. Его

слова как нельзя лучше подтверждают требовательность автора по отношению к читателю, стремление постоянно расширять читательский кругозор. Это проявляется в виде высокой информативности текстов при относительно низком уровне его «сотрудничества» с читателями. Поэтому в его текстах отсутствуют авторские примечания, внешние или внутренние пояснения, что осложняет их понимание.

2.1.1.2. Культура – пространство – время

Культурный код в отобранных для перевода произведениях выражен с разной интенсивностью, но присутствует в каждом из них. Писатель, как активный представитель андеграудного движения и автор запрещенного самиздата, и сам является ярким «носителем» этого кода, поэтому в рассказе «Облако» он создает своего рода историческую энциклопедию тоталитарного режима в Чехословакии. В небольшом по объему произведении автору удалось воссоздать дух коммунистической эпохи 1948-1989 гг., помещенной в конкретное социалистическое пространство – ЧСР, ЧССР. Повествование большей частью ведется от лица главной героини в форме ее ретроспекций и потока сознания, которые имеют место в современном мире. Используя такие «ретроспективные отголоски» Ян Балабан делает детальный панорамический снимок «эпохи строительства светлого будущего», на котором читатель видит не только вереницу политических деятелей, жертв политических репрессий, представителей культуры и литературы, реалий того времени, но и знакомится с высказываниями известных людей и цитатами произведений той эпохи. Текст рассказа буквально наводнен различными аллюзиями, парафразами, явным и скрытым цитированием, поэтому их распознавание является большой проблемой не столько для чешского читателя, как носителя одинакового культурного кода с автором, но для переводчика (см. раздел 2.4.).

Интересной чертой работы автора с культурным кодом в рассказе «Облако» является и то, что писатель иногда перескакивает пространственные границы «коммунистического строительства» в ЧССР, упоминая деятелей и реалии других государств, например: Муссолини, Брежнева, Червоненко, Бельмондо, французские сигареты «Голуаз», венецианскую гондолу и проч. Изменение масштаба пространственных границ, подключение «чужих» культурных кодов придает произведению как бы международный характер и тем самым создает своеобразную глобальную метафору коммунистической эпохи. Работа над переводом таких

«межкультурных» кодов будет исходить из избранной переводческой концепции, которая будет учитывать степень информированности иностранного читателя о данных явлениях (см. раздел 2.2.).

В рассказе «Млечный Путь» культурный код реализован иначе. Действие произведения развивается в конкретном времени и пространстве: в канун католического Рождества в предместье современной Остравы. Здесь автор вводит в повествование не только реалии, характерные для современной Чехии, или топонимы, относящиеся к конкретному географическому пространству, но описывает атмосферу приближающегося праздника со всеми его национальными атрибутами и традициями. Перевод таких культурных реалий мы относим к разряду проблематичных, так как они не имеют опоры на подобные явления в фольклоре и традициях, знакомых русскоязычному читателю. Эта информация является «чужим» культурным кодом, который переводчик должен правильно и адекватно донести иностранному читателю, хотя это составляет определенную трудность и приводит к возникновению переводческих сдвигов (см. раздел 2.5.4).

2.1.2. Внутритекстовые аспекты

В данном разделе предлагается рассмотрение внутритекстовых факторов исходного текста с точки зрения лингвостилистического, лексико-семантического и поэтико-риторического анализа. Лингвостилистическое рассмотрение будет произведено на микро- и макростилистических уровнях текста-оригинала. На макростилистическом уровне будет проведен анализ структурных единиц низшего порядка (от морфемы до предложения), а в макростилистике будет рассмотрен «слой высших семантических уровней в тексте, начиная от предложения ...до текста как целого.... текст, рассмотренный в тематическом плане (действие, время, персонажи, композиция, название)» [8, 183]. Лексико-семантический и поэтико-риторический аспекты представлены в разделе «Поэтика».

2.1.2.1. Микростилистика

При проведении лингвистического анализа исходных текстов на уровне «морфема-слово» были выявлены некоторые слова с отклонениями от правописной нормы чешского языка, например: «*jak sáčky od mlíka*» [O, 106], «*protože lidi jsou zlí i na*

Štědrý den» [O, 82], «Tihle lidi chtěli hlavně poškodit stranu» [O, 104-105], «Lidi to potřebujou a sukces, a potlesk a smích» [O, 105], «Já, když se mi mužskej líbil, tak jsem si ho uměla vzít» [O, 107], «Toho ted' oslavujou v televizi...» [O, 111], «Ne, doktory nevolej» [O, 115]. Все эти отклонения представляют собой некодифицированный, разговорный вариант чешского языка и используются автором в прямой речи или внутренних монологах главных героинь рассказов преднамеренно. Использование просторечья служит для дополнительной характеристики персонажей, создает более «природный», доверительный стиль повествования, является различительным маркером речи автора и речи персонажа. При переводе на русский язык следует учитывать данную разговорность, но соблюсти ее на морфологическом уровне будет почти невозможно (см. в разделе 2.4.3).

Характерной чертой прозы Яна Балабана является простая, лаконичная повествовательная манера письма. Поэтому синтаксический анализ обнаружил, что в анализированных рассказах очень часто встречаются односложные номинативные или простые предложения, развитые только одним второстепенным членом, например: «První most» [O, 76], «Železo šrot'áky miluje» [O, 78], «Ale mají psy» [O, 79], «Zas ty zelené dveře» [O, 116]. Обычно такими предложениями автор начинает новый абзац или новый раздел в тексте, обозначая тем самым новый виток в повествовании.

Наблюдается тенденция автора к опрощению синтаксиса путем сегментации сложных конструкций на несколько простых и образованием эллиптических предложений, например: «Tam se mezi křídly vrat prodlužoval prostor lodi a v jejím čele něco jako náruč světla. Něco jako čistá hrud' k přivnutí do jasu, který padá mnohými úzkými okny a prostírá se jako nejčistší plátno» [O, 116]. В первом анализированном предложении автор опускает сказуемое "bylo", а сравнения «něco jako náruč světla» и «něco jako čistá hrud'» рассредоточивает в отдельные предложения. Это придает повествованию динамичность, компрессию и лаконичность.

В некоторых случаях автор как будто нарушает свойственную ему простую повествовательную манеру употребления несложных синтаксических конструкций, и в исходных текстах как бы неожиданно появляются сложные синтаксические структуры. При их анализе обнаруживается следующее: почти всегда такие «отягощенные» синтаксические конструкции являются внутренним монологом персонажа или воспроизведением его потока сознания. Например, одним сложным предложением, тяжелым для восприятия из-за нагромождения цепи следующих друг за другом сложноподчиненных предложений, автор описывает предобморочное состояние

главной героини в рассказе «Млечный Путь»: «Zanic si nechtěla představovat, jak nějací hrozní šrot'áci drží jejího kluka a stahují z něho kalhoty i s těmi penězi v zadní kapse, on jim utíká, peláší zajíček s holým zadkem v tom sněhu, který jde jeden přes druhý, vločky za vločkami a on pořád utíká s tím malým pindíkem, co si ho ve vaně už nechce nechat přetáhnout, a šrot'áci s vlčími tlamami se řvou o ty dvě stovky a on zatím peláší do Šelky pro čokoladku pro maminku, na tu však už nemá peníze, snad mu ji dají zadarmo, když je Štědrý den, nedají, určitě nedají, protože lidi jsou zlí i na Štědrý den» [O, 81-82].

Таким же образом автор передает внутренний монолог героини из рассказа «Облако» с сегментированными определительными конструкциями, опровергающими главное предложение: «Já se uzdravím, já se musím vzchopit, říkala si v poryvech kašle, jako by její uzdravení mohlo vlít do strany novou silou, jako by oživení jejího náhle zchátraného těla mohlo stranu mysticky vrátit k životodárnému třídnímu přístupu, k obyčejným pracantům, pro které ona hrála celý život divadlo, agitky i klasiku» [O, 105]. В некоторых предложениях прослеживаются разговорная номинация и парцелляция, например: «Ano, ještě v exilovém vydání.» «Já vím, od Tigrida, z Paříže. Toho teď oslavujou v televizi...» [O, 111].

Обилие просторечных вариантов на морфологическом уровне и повествовательных конструкций с элементами разговорного синтаксиса указывает на большую включенность обиходно-разговорного стиля в структуру анализированных текстов. Использование этого стиля выполняет свою специальную функцию, которая будет раскрыта при функциональном анализе (см. раздел 2.1.3).

2.1.2.2. Макростилистика текста

Не смотря на то, что исходные тексты являются отдельными, законченными художественными произведениями, их объединяет общая тематика – поиск смысла человеческого бытия в современном мире. Как уже упоминалось ранее, данные тексты включены в сборник связанных между собой эпических рассказов, которому автор дал общее жанровое название – повесть, что является жанровым своеобразием книги. Данная повесть затрагивает многогранную проблематику, касающуюся экзистенциальных проблем каждого конкретного человека в современном мире. Так, в рассказе «Млечный Путь» поднимаются актуальные вопросы, связанные с проблемой качества жизни людей, страдающих неизлечимыми заболеваниями. В «Облаке» обнажается проблема «ломки» стереотипов и не/возможности принять новую систему

ценностей. Идея этих произведений, как и всей книги, заключена в самом ее названии, которое также является ее лейтмотивом – «мы все еще здесь», у нас все еще есть время изменить свою жизнь в лучшую сторону, понять, простить и принять ее как наивысшую благодать.

Центральными персонажами обоих произведений выступают две неизлечимо больные женщины. В «Млечном Пути» это – Катерина, мать-одиночка двух несовершеннолетних детей, страдающая сахарным диабетом, а в «Облаке» – пожилая Александра (Саша), в прошлом известная, повидавшая всякое на своем веку актриса, которая умирает от рака. У обеих героинь заостренное экзистенциальное мироощущение, которое спровоцировано их болезнями: обе в рассказах переживают состояние между жизнью и смертью, но все-таки его величество «случай» спасает Катерину и освобождает от тягостей земного существования Сашу. Этот случай, сила, провидение, совпадение, который фигурирует во всех рассказах сборника и является в разных обличиях, но всегда с одной целью – дать героям надежду, спасение или освобождение, – и дал названия рассказам, сделав их символичными и многозначными. «Млечный Путь» – это не только батончик *Milky Way*, который выводит Катерину из гипогликемического коматозного состояния, но и наша Галактика, «наш дом во Вселенной» [П, 16], как говорит сама героиня рассказа. «Облако» – это не только сигаретный дым, который постоянной вдыхает и от которого впоследствии умирает Саша в результате своей неизлечимой болезни, а также затмение, туман, мираж идеалов коммунистической эпохи, приверженцем которых была главная героиня. Можно сказать, что символичность и многозначность названий рассказов делает их метафорами. Более глубокий анализ полисемии и метафоризации в контексте исходных текстов будет рассматриваться в следующем разделе.

Сюжетом анализируемых рассказов является путешествие в пространстве – в случае Катерины, и во времени – в случае Саша. Композиционно эти сюжеты разворачиваются по простым, несложным схемам. Так, в «Млечном Пути» главная героиня вместе со своими детьми решили провести в канун Рождества больного отца, но в пути с ней случается гипогликемический приступ, который она преодолевает с помощью своих детей. В ходе путешествия герои «Млечного Пути» посещают различные места, которые вызывают определенный поток мыслей главной героини и приводят ее к различным умозаключениям. В «Облаке» сигаретного дыма и стереотипов другая героиня Саша знакомится с новой книгой о политических процессах, совершая с ее помощью экскурс в прошлое и делая попытку его

переосмысления. Этому способствует и ее общение с детьми, однако ее физическое состояние слишком слабое для того, чтобы справиться с жестокой правдой. Она умирает, приняв эту правду, и тем самым вырывается из облака заблуждений. В обоих рассказах перед читателем разворачивается экзистенциальный конфликт – человек на пороге смерти вскрывает «артерию» жизни и постигает ее смысл.

Место и время действия в «Млечном Пути» – современный пригород Остравы в преддверии католического Рождества, в «Облаке» – прокуренная квартира Саши девяностых годов XX века во время проведения реформы реституции имущества в ЧР, город не уточнен. Основная манера автора в рассказах – повествовательная, в которую время от времени вступает сам автор. Его «присутствие» чувствуется в описаниях, например, зарисовках местности «Млечного Пути»: заброшенные заводы, места обитания незащищенных слоев населения, местная флора. В «Облаке» автор «просматривается» в отступлениях, идущих после рассуждений главной героини Саши, при чем они распознаются на морфологическом уровне: авторские комментарии всегда написаны с соблюдением языковой нормы, когда как слова персонажа – разговорным языком.

Повествование ведется от третьего лица, в диалогах и монологах – от первого. Наблюдается тенденция автора резко изменять время и лицо повествования, например: «To je jasný příznak, snad to stihne, aniž by něco musela říkat dětem. V nestřeženém okamžiku zajela rukou do svého teplého podpaždí a vypnula pumpu. Aspoň zastavím přívod inzulinu, snad to pomůže» [O, 78-79].

2.1.2.3. Поэтика

Оригинальность Яна Балабана как писателя заключается, по словам критика Петра Грушки, в своеобразном синтезе его прозы: «Его умение дать меткое, выразительное название прекрасно сочеталось с талантом создавать неизбитые поэтические образы. Интеллектуальное благородство его языка эффективно дополнялась экспрессией андеграунда. Скромное протестантское вероисповедание сопровождалось способностью чувствовать экзистенциальную и экзистенциалистскую нищету наших грустных судеб» [11, VII].

Его тексты «вырастают» из проникновенного чувства простой детали, мелкого события, небольшого эпизода, всегда связанного с конкретным персонажем, выхваченным в конкретном времени и пространстве, конкретной жизненной ситуации.

Поэтому на первый взгляд может показаться, что рассказы Балабана слишком «простые»: незатейливый, простой сюжет с земными, простыми героями, рассказанный лаконично, просто и откровенно. Однако стоит автору вступить в этот неприметный, простой сюжет со своими особыми, невыдуманными переживаниями каждого эпизода, сразу же чувствуешь, как эта «простота» ложится на сердце, превращаясь там в символ, метафору или притчу. В прозе писателя действует следующий закон: чем более аутентично присутствие автора в произведении, тем сильнее читатель чувствует значимость события. По словам критика Йозефа Хухмы, такого эффекта автор достигает благодаря дополнительному объяснению символизации [13, V].

Ян Балабан – всегда рассказчик, а не оценщик. И как рассказчик, он иногда шокирует своей прямолинейной откровенностью, которая в начале может показаться грубой. Прежде всего эта тенденция проявляется в выборе лексических средств. Автор не боится употреблять низкую, иногда нецензурную лексику, огорошивая нею читателя уже в самом начале. Наведем пару примеров из рассказа «Облако», в котором выдавшая виды главная героиня не скупится на выражения: «...a hulí ji někdy s těmi svými čurdami. Nic jim nezávidíš, ani to, co už strká jen do nich a do tebe ne...» [O, 102], «a jde se do klubu a na bar a po štamprlí a do vinárny a na kvartýr, konečně na kvartýr, ber flašku a cigára, radši dvoje. To je kuřačka, ta kouří všechno, cha chá!» [O, 103]. Однако эта прямота и отсутствие «подслащивания» имеют свой действенный эффект – уже в самом начале автоматически настраивают читателя на откровенный, искренний диалог. Поэтому заданием переводчика будет найти адекватные лексико-синтаксические средства в русском языке и достичь такого же эффекта в целевом языке, ориентируясь при этом на традиции принимающей литературы и вкусы ее читателей (более подробно см. разделы 2.4. и 2.5).

Ян Балабан – мастер нестертых метафор и игры слов, которые делают ткань произведения красочнее и оживляют его минорную тональность. Он не бросает слов попусту, выбирая тактику точного формулирования основной мысли и расположения акцентов в нескольких важных местах текста. Возможно, именно поэтому его слова приобретают большую весомость и убедительность, своеобразную важность, близкую к библейским текстам. И возможно именно поэтому у читателя остается лучик выстраданной надежды, свет, ради которого стоит жить.

Игра слов языка писателя базируется на полисемии. Ранее мы упоминали о многозначности названий рассказов «Облако» и «Млечный Путь», которые выполняют роль метафор или символов в контекстах рассказов и основаны на полисемии. Для

аргументации наводим и другие интересные примеры игры слов в анализируемых текстах. Например, главная героиня «Облака» вспоминает сигареты «Партизанка», которые курила в своей молодости, когда играла в театре роли партизанок, а вся театральная труппа ездила на гастроли в душном автобусе, где все курили, как «партизаны в землянке» [П, 18]. В «Млечном Пути» автор уже в самом начале вводит игру слов с глаголом «dělat»: «Copak se dá **dělat radost? Dělat** se dají tak leda **hlouposti. Dělat** se dá tak leda **do záchodu**» [О, 73], перевод которой составил некоторую трудность (см. в разделе 2.4.1.). Поэтический прием игры слов является характерной чертой писательской манеры Яна Балабана, поэтому его нужно попытаться сохранить при переводе.

Как было упомянуто ранее, писатель является мастером нестертых метафор и метафорических сравнений, которые делают повествование богаче и оригинальнее. Наводим некоторые примеры таких поэтических приемов, выбранных из исходных контекстов: «jako tři králové s mobilním telefonem a já stará černá vzadu» [О, 78], «nevinně a zranitelně jako srnka zatoulaná do města» [О, 78], «a její strádající mozkové buňky pouštěly myšlenky do divokých hyperbol a citových explozí» [О, 105], «ženské rozjeté jak mašiny» [О, 102], «prázdná vidlička ukazováku a prostředníku marně zalétá ke rtům» [О, 102]. Хотелось бы также отметить более сложную для «распознавания» группу метафор, содержащих в себе аллюзии на чешскую литературу, как, например: «Nakonec reakce vyhrála i tady, kde svět patřil nám... Nebe na zemi jsme hráli, a co z toho zbylo» [О, 106]. Принцип перевода таких метафорических культурных кодов будет изложен в разделе 2.4.4.

2.1.3. Функциональный анализ

На основе рассмотренных в предыдущих разделах морфолого-синтаксических, жанровых, идейно-тематических, лексико-сематических и риторико-поэтических особенностей исходных текстов можно констатировать, что тексты-оригиналы прежде всего выполняют эстетическую и эмотивную функции. Анализированные тексты представляют собой гармоничные, логичные, цельнооформленные, построенные за законами художественной литературы произведения малого жанра – рассказа. Благодаря использованию риторических фигур, включению элементов обиходно-разговорного стиля на микростилистическом уровне данные тексты способны воздействовать на эмоции читателя, экспрессивны по своей окрашенности. Как уже

упоминалось ранее, данные рассказы посвящены тематике экзистенциальных поисков смысла жизни, поэтому их эстетика отображает задачи объективного экзистенциализма или неоекзистенциализма – области «познания Новейшей философии о духовной и познавательной сущности человека, о его духовном, мыслительном и информационном существовании и о его уникальности как существа, способного выбрать свою судьбу и не только в экзистенциальном плане, но и во всеобщем значении» [22].

На второе место по своей реализации в текстах можно поставить информативную функцию. Произведения переполнены различными аллюзиями, топонимами, реалиями, которые воссоздают колорит духа времени и места. Однако для чешского читателя эта информация может быть лишь фоновой, введенной для закрепления и усиления эстетико-эмотивного воздействия. Для иностранного читателя информативная функция будет иметь первоочередное значение, так как большая часть информационных маркеров для него будет новой. Поэтому перед переводчиком стоит задача сохранить и адекватно донести в переводе данный познавательный аспект.

Реализация коммуникативной функции в исходных текстах представлена спорадически. В анализированных произведениях отсутствует «явное сотрудничество» автора с читателями, которое обычно осуществляется посредством риторических фигур (например, риторические вопросы, прямая апелляция к читателю и др.), в авторских отступлениях или пояснениях. Коммуникация с читателями в рассказах проявляется посредством введения в тексты разговорной речи героев, которая с другой стороны выполняет и эстетическую и эмотивную функцию, так как делает произведение более реалистичным и экспрессивно ярким. В текстах присутствуют авторские отступления, но они «замаскированы» и не навязчивы. Обычно они идут после внутренних монологов главных персонажей, либо проявляются в резкой смене лица повествования, либо времени действия. Эта смена более зрима для домашнего читателя, так как проявляется на лексико-синтаксическом уровне, но для иностранного читателя такой резкий перескок может быть непонятным. Как, например, в вышеупомянутом эпизоде на странице 42 данной работы. Решение об адекватной передаче данной функции исходит от переводчика и будет рассматриваться в разделе 2.4.2.

Оценочная или воспитательная функция, проявляющаяся в раскрытии отношения автора к изображаемому в произведениях, отсутствует. Автор не оценивает и зачастую ничего не объясняет, оставляя читателю «голые» ситуации и широкое поле для размышлений. Такое «растворение» и внеоценочная позиция автора являются

характерными приметами постмодернистской литературы, в традициях которой написаны анализируемые произведения.

2.2. Переводческая концепция

Выбор перевода вышеупомянутых художественных текстов как темы данной бакалаврской работы был обусловлен конкурсом молодых украинских богемистов, организованным Генеральным консульством Чешской Республики в Украине (г. Львов) в сентябре 2011 года, в котором автор данной монографии получила первое место за перевод рассказа «Облако». Логическим продолжением этого конкурса стал перевод всей книги рассказов Яна Балабана «Мы все еще здесь» на украинский язык, публикация которой планируется в сентябре 2012 года в львовском издательстве «Астролябия».

Каждый перевод, рассматриваемый в данной работе, представляет собой отдельное законченное художественное произведение малой формы эпической прозы – рассказа. Как уже упоминалось, книга «Мы все еще здесь» состоит из десяти связанных между собой рассказов, адресованных широкому кругу современных чешских читателей. Поэтому для адекватного перевода произведений необходимо как целостное, комплексное прочтение и понимание всей книги, так и ознакомление с творческим наследием ее автора. Переводы рассказов «Облако» и «Млечный путь» тоже адресованы широкому кругу русскоязычных читателей. Предполагается, что целевой читатель переводных текстов интересуется современной иностранной беллетристикой в целом, так и чешской художественной литературой в частности, а также культурой и историей Чехии, но не обладает специальными профессиональными знаниями в этой области. В дальнейшем автор данной монографии планирует предложить публикацию анализируемых переводов русским издательствам с целью популяризации современной литературы и культуры Чешской Республики.

При формировании переводческой концепции нами была использована методология корифея чешской переводческой школы Иржи Левого, который в своей монографии «Искусство перевода» говорит о том, что слагающими верной концепции являются: «1) поиск объективной идеи произведения; 2) интерпретационная точка зрения переводчика; 3) интерпретация объективных ценностей произведения, исходящая из данной точки зрения – переводческая концепция и возможность “переоценки” произведения» [16, 61].

Объективная идея произведения и интерпретационная точка зрения переводчика были рассмотрены ранее, и при переводе будут сделаны все усилия, чтобы оставить их в соответствии с замыслом автора и не допустить каких-либо искажений. Возможность «переоценки» произведения, усиление или ослабление каких-либо идейных аспектов, эстетической ценности исходных текстов не будет использована, так как тексты относятся к современной художественной литературе, т.е. в одном временном отрезке с современным русскоязычным читателем, поэтому перевод будет выполнен в синхроническом ключе.

Для адекватного восприятия текста и реализации его эстетико-эмотивной функции следует усилить его коммуникационный и информативный аспекты. Как уже упоминалось, оба текста несут большую информационную нагрузку, которая проявляется в большом количестве локально окрашенной информации: аллюзии, топонимы, реалии, традиции, история и проч. Чтобы произведения были поняты широким кругом русскоязычных читателей, не обладающих специальными историческими, страноведческими и культурологическими знаниями о Чешской Республике, будет целесообразно разработать своеобразный план помощи в коммуникации и информировании, т.е. четкую продуманную систему пояснений в виде отдельных комментариев, ссылок или внутренних вставок в самом тексте (см. в разделе 2.4.4).

В работе над переводом будут учитываться различия языковых систем текста-оригинала и текста-перевода для воспрепятствования появлению интерференций на всех уровнях текста. В частности, свойственный произведениям разговорный стиль с тенденцией к «просторечности» в русском языке будет передан лексическим и синтаксическим способом с учетом культурной традиции принимающей литературы.

2.3. Метод перевода

Согласно вышеприведенной переводческой концепции целью перевода является создание функциональной русскоязычной модели прототипа, т.е. «адекватной репродукции оригинала как художественного произведения с сохранением его целостности и таким способом, который учитывает все его релевантные стилистические особенности» [17, 234]. При переводе будет необходимо передать в полной мере эстетическую ценность и идейное послание произведений, сохранив все

риторико-поэтические особенности текстов, прежде всего их лаконичность и метафоричность.

При выборе «верного/дословного» или «вольного/адаптированного» метода перевода мы будем руководствоваться правилом «золотой середины», сформулированной О. Фишером о том, что «перевод может быть до той степени вольным, до которой он может оставаться верным» [16, 87]. Но данное соотношение «верность – вольность» все-таки будет уклоняться в сторону «верности» по той простой причине, что при переводе художественной прозы согласно таблице И. Левого об инвариантных и переменных единицах перевода большинство элементов литературных текстов, а именно: денотативные и коннотативные значения, стилистическая окраска слов, построение предложений, должны оставаться инвариантными [16, 24]. Верность при переводе в полной мере поможет передать авторский стиль, что очень важно на этапе введения иностранного писателя в «принимающую» литературу, т.к. русскоязычный писатель еще не был знаком с творчеством Яна Балабана.

Добиваясь верности перевода текста-оригинала, автор данной работы постарается не допустить, чтобы «верность/дословность» негативно обозначилась на эстетической функции, которую выполняют анализируемые произведения. Во избежание этого будут предприняты все возможные приемы адаптации переводов для русскоязычного читателя, направленные на реализацию основного задания – легкости, удобства чтения и восприятия для читателя, достижения относительной «невидимости» перевода.

2.4. Определение трудностей перевода и их решение

2.4.1. Лексический уровень

Как уже было упомянуто, проза Яна Балабан отличается большой эмоциональностью и силой воздействия на читателя. Такого эффекта автор достигает языковым стилем, часто избирая сниженную, грубую лексику, которую вводит уже в самом начале произведения. Используя такую лексику, писатель как бы настраивает читателя на открытый диалог, в котором обнажаются острые темы и достигается большая реалистичность изображаемого. Эта несколько агрессивная, грубоватая манера повествования больше касается рассказа «Облако» и должна быть передана в целевом языке, хотя русскоязычному читателю, который длительное время был

огражден советской цензурой от «запрещенных» тем, явная откровенность некоторых выражений может показаться вульгарной. Поэтому мы постарались передать просторечный, сниженный тон реплик и потока сознания главной героини в общих чертах. Например, в тексте-оригинале уже в самом начале автор вводит синонимичный ряд к слову «cigareta»: *cigáro, cígo*, который в тексте-переводе мы попытались сохранить с помощью приема перемещения лексических единиц с учетом их градационной «сниженности» и уместности в каждом конкретном контексте: «Nikdy neměla poslední **cigaretu**, už poslední krabička v ní probouzela paniku» [O, 102] – «У нее никогда не было последней **сигаретки**, а последняя пачка рождала в ее душе панику» [П, 17]; «Nemůžeš ani spát, ani bdít, nemáš **cigára** a nemáš **na cigára**, a nikdo ti nedá» [O, 102] – «Не спится, не сидится, нет **сигарет** и нет **на сигареты**, и никто их тебе не даст» [П, 17]; «Poslední tři tahy **z cíga** za portálem, upravit šátek a na scénu» [O, 103] – «Три последние затяжки **сигой** за кулисами, поправишь галстук – и на сцену» [П, С.17].

Что касается перевода более «откровенных» выражений, к которым русскоязычный читатель уже мог привыкнуть за двадцать лет свободы печати (хотя это не означает, что они ему нравятся), то мы постарались их несколько сгладить, учитывая сформировавшуюся в условиях цензуры «нежные» вкусы читателей и традицию более мягкого, размытого изображения подобных тем и вещей в принимающей литературе. Например: «Nic jim nezávidíš, ani to, co už **strká** jen do nich a do tebe ne» [O, 103] – «Ты им совсем не завидуешь, и неважно, что он **вдувает** им, а не тебе» [П, 17]; «...co **přeříznul** vlastní mamu a zabil fotra» [O, 114] – «который **спал** со своей матерью и убил собственного отца» [П, 25].

Другой блок лексических трудностей перевода составил прием игры слов, основанной на полисемии, которая является особенностью авторского стиля. Для адекватной передачи такого эффектного авторского приема отбирались многозначные слова с требуемой сочетаемостью, на которой базировалась данная игра слов. Нельзя сказать, что всегда достигалась стопроцентная передача игры слов оригинала, но семантическое значение было сохранено в любом случае. Наводим несколько примеров такой игры из рассказа «Млечный Путь». В первом примере был использован прием грамматической трансформации, ибо существующая сочетаемость глаголов со словом «радость» в русском языке не позволила сохранить ключевое чешское словосочетание «*dělat radost*» и дальнейшую игру слов с глаголом «*dělat*» в неизменном виде. Поэтому в русском варианте было найдено решение сохранить этот глагол в виде однокоренных глаголов «сделать/наделать» и трансформировать существительное «*radost*» в

прилагательное «радостный»: «Сopak se dá dělat radost? Dělat se dají tak leda hloupostí. Dělat se dají tak leda do záchodu. Radost už někdy je hotová, neudělatelná, ale jen málokdy je u nás» [О, 73] – «Неужели так сделаешь человека радостным? Так только наделаешь глупостей. Так только наделаешь кучу. Радость уже где-то существует, готовая, нерукотворная, но мало когда она с нами» [П, 9]. В другом примере игру слов сохранить не удалось из-за контекстуального несоответствия в языке перевода, но семантическая верность была достигнута: «Nevím, jak to s námi nakonec dopadne, ale tohle dopadlo dobře» [О, 83] – «Не знаю, что с нами в конце концов случится, но сегодня все обошлось хорошо» [П, 16].

Кроме вышеописанных случаев трудность для перевода составил перевод некоторых лексических единиц, эквиваленты которых отсутствуют в языке перевода. Например, разговорное слово «šrot'ák» со своей просторечной коннотацией отсутствует в русском языке, в котором существует всего лишь его более нейтральный, книжный эквивалент «вор металлолома». Поэтому мы использовали прием лексического добавления и образовали контекстуальный неологизм «новый металлист», включив его в конструкцию с внутренним пояснением: «Železo šrot'áky miluje» [О, 78] – «Железо любит воров металлолома, этих новых „металлистов“» [П, 12]. Далее в тексте мы оперировали негативно-увеличительным производным «металлюга», что удачно вписывалось в требуемый контекст: «Zanic se nechtěla představovat, jak nějací hrozní šrot'áci drží jejího kluka...» [О, 82] – «Она старалась гнать от себя мысли о том, что какие-то «металлюги» задержали ее мальчика» [П, 15].

2.4.2. Синтаксический уровень

Согласно таблице И. Левого синтаксическая структура прозаического текста должна оставаться инвариантной. Поэтому синтаксис произведений почти не подвергся изменениям. Разбивка на абзацы, смысловые части и разделы соответствуют оригиналу.

В ходе перевода синтаксическим изменениям подверглись лишь пара предложений в рассказе «Облако», которые переводчик объединил в одно сложное предложение. Эти предложения являют собой внутренний монолог главной героини, ее поток сознания. Сам автор часто прибегает к сложным синтаксическим конструкциям для воспроизведения внутренней речи своих героев, поэтому конъюнкция нескольких сложноподчиненных предложений в одно соответствовало авторскому стилю. С другой

стороны это объединение служило для придания предложениям большей экспрессивности и эксплицитности, а также для усиления когезии текста: «V těch hrozných dávivých poryvech, kdy člověk neví, jestli ještě někdy popadne dech, nebo už konečně zdechne v tёмnotě svých černých potrhaných plic. Tam se sama utlučeš, tak jako utloukali bez soudu lidi v kasematech» [О, 108] – «В этих угрожающих судорожных приступах, когда не знаешь, глотнешь ли снова воздух или в конце концов сдохнешь в темноте своих черных разодранных легких, ты вся захлебываешься — подобно тем, кого убивали без суда в казематах» [П, 21]; «Sál pustý jak po posledním hajdamáci. Nesla nakřivo a potrhané fáborny z krepového papíru, a jenom kurvy, kurvy oportunistické počítají, co jim to vynes, peníze a hlavně ty cizí, americké dolary, německé marky» [О, 115] – «Зал пуст, как после нападения грабителей: лозунги перекошены, ленты из гофрированной бумаги порваны, и только суки, суки оппортунистические подсчитывают свою прибыль, радуясь деньгам, больше тем иностранным – американским долларам, немецким маркам» [П, 25]. Из этих примеров очевидно изменение пунктуации, которое было проведено в соответствии с правописными нормами русского языка.

Общеизвестно, что глаголы-связки в русском языке зачастую опускаются, заменяясь тире, поэтому синтаксические конструкции текстов перевода были трансформированы следующим образом: «Křídlatka je nejhouževnatější plevel na světě» [О, 76] – «Горец японский – самый устойчивый сорняк в мире» [П, 11]; «A co ten telefon, někomu zavolat, ale, zrada, není oživený, a svůj nechala doma s tím cukrem» [О, 80] – «А новый телефон, кому-то позвонить? Да вот беда, он – не активирован, а свой она оставила дома, как и сахар» [П, 14]. В переводе последнего примера была использована разбивка одного исходного предложения на два отдельных для создания более логичного, когерентного повествования. Такая сегментация характерна для текста-оригинала и хорошо воспроизводит синтаксис разговорного стиля.

Для усиления когезии и когерентности дискурса была пересмотрена пунктуация исходных текстов, которая не соотносится с правилами русского языка или вообще отсутствуют в языке оригинала. Чешская пунктуация более проста, поэтому в переводах она была «усилена». Мы считаем, что благодаря такому усилению текст перевода стал более логичным и связанным, а его эксплицитно и имплицитно выраженные структуры – более понятны для русскоязычного читателя. Приведем несколько примеров, в которых измененная пунктуация будет выделена полужирным начертанием: «V deseti letech dostala skutečný dar od Boha, možnost přežít to, co se nepřezívá, projít po lávce tak úzké, že ji pod nohama nevidíš» [О, 74] – «Когда ей

исполнилось десять лет, она получила настоящий дар от Бога — возможность пережить то, что нельзя пережить, пройти по такому узкому мостику, что лучше под ноги и не смотреть» [П, 9]; «*Za prvním mostem pokračovali po takzvané navigaci cestou mezi řekou a sloupky s cedulemi vstup zakázán* vytyčujícími pozemek veliké zastavené továrny. Podívej se na ty stavby» [О, 77] – «За первым мостом они направились, используя так называемую навигацию, по дороге между рекой и табличками с надписями **«Вход запрещен»**, которыми обозначалась территория большого заброшенного завода. Ты только посмотри на эти здания!» [П, 12]; «*Ale jaký je to život v těchto končinách a třeba v noci*» [О, 79] – «Но что за жизнь в этих дебрях, а ночью как?» [П, 13].

Как мы уже упоминали, Ян Балабан в своих произведениях использует прием потока мышления, т.к. внутренние монологи героев, которые часто перемеживаются с общим повествованием или завуалированными авторскими сентенциями, что затрудняет понимание текстов. Чтобы такие имплицитные монологи стали более видимыми для русскоязычного читателя и отделены от общего повествования, в некоторых трудных для восприятия местах мы использовали пунктуацию прямой речи согласно правилам правописания русского языка. Это нововведение повлекло за собой изменение пунктуации при диалогической речи, которая также была трансформирована согласно русским правилам. Наведем несколько примеров таких изменений: «*Podél železniční trati dorazili k dalšímu mostu. Tady už za chvíli odbočíme do města, říkala si starostlivě a s úzkostí se uvědomovala, že se v jejím pohledu kontury okolního světa podivně vlní. To je jasný příznak, snad to stihne, aniž by něco musela říkat dětem. V nestřeženém okamžiku zajela rukou do svého teplého podpaždí a vypnula pumpu. Aspoň zastavím přívod inzulínu, snad to pomůže*» [О, 78-79] – «По железнодорожному полотну они дошли к следующему мосту. «Уже совсем скоро мы повернем в город», – она говорила про себя ободряюще и со страхом осознавала, что контуры окружающего мира в ее взгляде начинают странно подрагивать. – Это – характерная примета, надеюсь, что успею, прежде чем придется что-то говорить детям». За какую-то неконтролируемую секунду она скользнула рукой в теплую подмышку и выключила помпу. «Остановлю хотя бы подачу инсулина, может, это поможет» [П, 13];

„To je holka, co si ji matka posílá po cigarety.“

„Vždyt' to je kluk.“

„No jasně, že to je kluk.“ [О, 113].

— Это та девушка, которую мать посылает за сигаретами.

— Так ведь это мальчик!

— Ну понятно, что мальчик. [П, 24].

Учитывая различия чешской и русской языковых систем на синтаксическом уровне, а именно "нелюбовь" чешского языка к причастным и деепричастным оборотам, и их активное употребление в русском языке, в переводе были применены синтаксические замены подчиненных предложений на вышеупомянутые обороты там, где это в контексте было возможно. Приводим несколько примеров таких замен: «**Ještě nabírala dech, ještě se rozpalovala k tomu**, že mu to řádně vytmaví, protože takhle s ní nikdo mluvit nebude, ale najednou pocítila hroznou slabost» [О, 118] – «**Набирая воздух в легкие и распалаясь**, чтобы ему хорошенько дать понять, что так с ней не разговаривают, она внезапно почувствовала страшную слабость» [П, 27]; «...ti dovedli pochopit, že i když se strana mýlí, má v sobě přece kontrolní mechanismy, **které jí vrátí ke správnému kurzu...**» [О, 109] – «...они понимали, что партия иногда ошибается, но все равно имеет в себе контрольные механизмы, **возвращающие ее на правильный курс...**» [П, 21].

2.4.3. Стилистический уровень

Как уже ранее отмечалось, исходные тексты как литературные произведения относятся к художественному стилю, который использует все разнообразие и все богатства национального языка для создания яркого, запоминающегося образа. Наряду с художественным стилем в текстах отмечается присутствие черт разговорного стиля. Эта «разговорность» прежде всего проявляется в диалогах и внутренних монологах героев и выполняет как эстетическую функцию, делая произведения более «народными», выхваченными из жизни обычных людей, так и коммуникационную, которая обеспечивает большую открытость и откровенность диалога с читателем. Разговорный стиль в данных рассказах проявляется на морфологическом, лексическом и синтаксическом уровнях, поэтому их адекватную передачу в переводе можно обеспечить на стилистическом уровне, который учитывает их синкретическую природу.

Так, передача обиходно-бытового стиля, которая возможна в чешском языке уже на морфологическом уровне, будет сложна для русского языка, для которого разговорный стиль проявляется преимущественно на лексическом и синтаксическом уровнях. Для разговорной лексики русского языка характерно использование просторечий, сленга, в синтаксисе часто используются предложения с частицами,

междометиями, построениями фразеологического характера с эмоционально-экспрессивной оценкой субъективного характера, актуальным членением, сегментацией, парцелляцией и проч. Учитывая все эти особенности, перевод конструкций, содержащий в чешском языке разговорные элементы, был проведен следующим образом: «...a ona se dusí a nemůže s tím nic dělat, prsy prázdné jak sáčky od mlíka» [О, 106] – «...а она начала задыхаться и никак из этого **не вылезет**: груди пустые, как пакеты из-под молока» [П, 19]; «Lidi to potřebujou a sukces, a potlesk a smích» [О, 105] – «**Народу подавай театр, успех, овации, и смех!**» [П, 19]; «Já, kdýž se mi mužskej líbil, tak jsem si ho uměla vzít» [О, 107] – «Если мне **мужик нравился**, я умела его взять» [П, 20]; «Toho teď oslavujou v televizi, jak se **prý** zasloužil o národ. Co **ten** o **tom** národě ví? Celý život seděl v cizině, posílal nám tyhle knížky a **měl se** z toho jen **dobře**» [О, 111] – «Его теперь **по телевизору всюю** расхваливают за заслуги перед народом. А что он про **народ-то** знает? Всю жизнь просидел за границей, посылал нам **эти книжонки** и имел за них **хорошие деньжонки**» [П, 23], «Ne, doktory nevolej» [О, С.115] – «Нет, **врача не надо**» [П, 26].

2.4.4. Прагматический уровень

Ранее при анализе внетекстовых аспектов нами было упомянуто о большой информативности и социокультурной «закодированности» рассматриваемых художественных произведений. Учитывая нашу ориентацию на широкий круг русскоязычных читателей, которые не обладают специальными знаниями о среде/месте действия и времени повествования, в целевых текстах необходимо провести прагматическую адаптацию. Исследователь Евсеева характеризует прагматическую адаптацию как способ деятельности переводчика, предполагающий «создание эквивалентного, когерентного и понятного читателю-инофону текста, предназначенного для полной замены текста-оригинала, ...[чья] содержательно-коммуникационная равноценность достигается лишь при включении в структуру художественного произведения комментария» [21, 4].

Учитывая современную тенденцию слабого коммуникативного сотрудничества авторов постмодернистской литературы с читателями, которая наглядна в исходных текстах, ибо «комментарий трактуется постмодернизмом как принудительная интерпретационная процедура, насильственно пресекающая извне свободное семантическое самодвижение текста, т.е. как типичная форма интерпретации» [20],

перед переводчиком стоит задача разработать «ненавязчивую» и по возможности «невидимую» модель сопроводительного аппарата переводных текстов. Прагматическая адаптация, представленная в переводах, представляет собой трехуровневый сопроводительный аппарат вспомогательных текстов, состоящий из 1) внутритекстовых контекстуальных пояснений; 2) примечаний переводчика в виде сносок внизу страницы и 3) комментариев переводчика в конце произведения. Следует заметить, что в работу брались только социокультурные, историко-географические реалии Чехии, т.к. целью переводов является популяризации современной чешской литературы и культуры и упрочение межкультурного диалога между обеими странами. Наведем примеры каждого вида вспомогательных текстов, использованных в переводах: 1) *внутритекстовые пояснения*: «...**Kohouta, toho hajzla**, so rak dvacet let falešně kokrhál ze Svobodné Evropy» [O, 103] – «...Когоута^{II}, **того петуха недорезанного**, что двадцать лет фальшиво горланил по "Радио Свобода"» [П, 18]; «...jedna sedáčka ze **škodovky**, možná z **trabanta**...» [O, 76] – «...одно сиденье от «**Шкоды**», а может от **допотопного, еще гэдээровского "Трабанта"**...» [П, 11]; «...ted' mi vrátí **Lucernu** a **Barrandov**...» [O, 111] – «...которому сейчас возвращают **дворец «Луцерна»^X** и **киностудию «Баррандов»^{XI}**...» [П, 23]. Некоторые приведенные здесь примеры снабжены нумерацией, которая обозначает дополнительные внешние комментарии; 2) *примечания переводчика*: «"bandiera rosa la triumfera"¹ – Фрагмент припева популярной песни левого рабочего движения Италии: текст написан Карло Туцци в 1908 году и положен на мелодию ломбардской народной песни. Здесь и далее прим. переводчика» [П, 19]; «где мир принадлежал нам»² – «Мир принадлежит нам (Svět patří nám)» – начало и название песни Я. Восковца и И. Вериха. См. комментарии переводчика IV» [П, 19]; 3) *комментарии переводчика*: «А тот Верих^{IV}, он был модником, со своим брюшком и гвоздикой в петлице, типаж мужчины и шутника» – ^{IV}Ян Верих (1905-1980) – чешский актер театра и кино, драматург и сценарист кино, известный деятель довоенного и послевоенного театрального авангарда, писатель. В 1926 г. дебютировал в «Освобожденном театре» в дуэте с Иржи Восковцем (1905-1981), с которым успешно сотрудничал до 1937 г. во многочисленных театральных постановках, в частности в жанре политической сатиры. В 1938 г. оба актера эмигрировали в США, откуда вели широкую антигитлеровскую кампанию. После Второй мировой войны они возвращаются домой, где в 1946 г. на короткое время открывают свой театр «V + W» (B + B), но из-за политической ситуации и невозможности работать в любимом жанре театр был закрыт. В 1948 г. Иржи Восковец

через Францию эмигрировал в США, снимался в Голливуде (напр. в фильме «12 разгневанных мужчин»). Ян Верих остался в Чехословакии и работал во многих театрах Праги, в 1963 г. был удостоен звания народного артиста. В 1977 г. он подписал «Антихартию-77» – документ-реакцию режима против проявления инициативы по защите прав человека, изложенной в «Хартии-77» [П, 31].

Как видно из примеров, внутритекстовые пояснения и примечания переводчика лаконичны и не перегружены информацией. Они направлены на более четкое понимание текста и не мешают восприятию дискурса, например, примечания в рассказе «Облако» выполняют в большинстве случаев функцию пояснений скрытых аллюзий на известные произведения современной чешской литературы. Более пространственные комментарии, которые обеспечивают информативную функцию и поданы в конце произведения, рассчитаны на более любознательного читателя, который может воспользоваться ими по своему желанию. Расположение комментариев в конце произведения не отвлекает читателя и делает их не навязчивыми.

2.5. Классификация переводческих сдвигов

Этот раздел построен на концепции переводческих сдвигов, предложенной И. Левым, который выделяет три главные негативные переводческие тенденции: «1) употребление общего значения вместо конкретного, точного обозначения, 2) употребление стилистически нейтрального слова вместо экспрессивно окрашенного, 3) недостаточное использование синонимов» для избегания тавтологии [16, 139]. Кроме этих сдвигов переводчики также имеют склонность 1) интеллектуализировать текст перевода, 2) раскрывать недосказанное и 3) выражать формальные синтаксические связи [16, 145-146]. А. Попович считает позитивным или соответствующим переводческим сдвигом субституцию выражения или замену выражения на микростилистическом уровне [17, 204]. На основе приведенной классификации сдвигов, изложенной главными чехословацкими теоретиками перевода, мы попытаемся на разных текстовых уровнях установить и проанализировать собственные сдвиги, допущенные в переводах.

2.5.1. Лексические сдвиги

На лексическом уровне самым распространенным сдвигом оказалась нейтрализация, которая в некоторых случаях сглаживала экспрессивную окрашенность слова, использованного в тексте-оригинале. Использование более нейтральных слов или выражений объясняется отсутствием эквивалентных единиц в русском языке, либо контекстуальной неуместностью в переводе. Приведем несколько примеров таких сдвигов: «Ani za konsolidace, při stranických prověrkách, kdy ten její ničemný **chlap** zahodil **legitku...**» [О, 106] – «Ни при консолидации, ни во время партийных чисток, когда ее никчемный **муж** выбросил свой **партбилет...**» [П, 19]; «Ted' už jsem ráda, když si můžu vzít aspoň to **cigáro**» [О, 107] – «А сейчас радуюсь только тому, что могу взять хотя бы **сигарету**» [П, 20]; «**Sakra, mládežníci**, já už nemám na návštěvu nervy» [О, 111] – «**Эй, молодежь**, у меня уже нервов на посетителей не хватает» [П, 22]. Можно добавить, что некоторой нейтрализации подверглась вся сниженная лексика, которая была упомянута выше (см. раздел 2.4.1), но это исходило от избранной переводческой концепции.

Кроме смягчения экспрессивности некоторых слов и выражений, в переводе дошло к замене значений на более общие понятия, т.е. к генерализации. Приведем несколько примеров, которые сосредоточены в одном предложении: «...jen se tak trochu **dušit**, když kouří všichni, herci, **kulisáci, bedňáci, funkcionáři – děcka, říkali jsme si děcka**, a hulili jsme jak partyzáni v zemlance» [О, 104] – «...и **вдохнуть пропитанный дымом воздух**, где курили все: актеры, **технический персонал**, парткомовцы – **все ребячились** и шмалили, как партизаны в землянке» [П, 18]. В этом примере также выражены формальные синтаксические связи – двоеточие после слова «все», которого нет в оригинальном тексте.

2.5.2. Синтаксические сдвиги

Как уже было замечено в предыдущем подразделе, в текстах перевода наиболее часто допускалось выражение формальных синтаксических связей, что также является переводческим сдвигом. Отчасти появлению этого сдвига в работе способствовала русская пунктуация, которая сама по себе более сложная и разветвленная, чем в чешском языке. Предлагаем вниманию несколько ярких примеров, демонстрирующих такой сдвиг: «Tihle lidi chtěli **hlavně poškodit** stranu» [О, 105] – «У тех людей была одна **цель – навредить** партии» [П, 18]; «Podívej se na ty stavby. Na ocelových nohách tu stojí

vysoká síla třídíren **koksu**. **A dál baterie**, která se svými žebry vypadá jak rezavá železná knihovna... **A v pozadí korpusy** vysokých pecí, kterým někteří nadšenci přezdívali Hradčany. **Je to spíš jakási ruína**, kde v chladných dutinách bývalých výhni hnízdí ptáci a gosomáci» [O, 77] – «Ты только посмотри на эти здания! Здесь на высоких стальных ногах стоят мощные дробильно-сортировочные агрегаты **для кокса, а дальше – коксовая батарея**, которая своими ребрами больше похожа на книжный шкаф из ржавого железа... **A на заднем плане – корпуса** домен, которые кто-то из энтузиастов прозвал Градчанами⁷. Теперь все **это – руína**, где в холодных пещерах бывших горнов гнездятся птицы и росомахи» [П, 12].

Кроме этого наблюдается тенденция раскрывать недосказанное, которая больше проявляется на уровне пунктуации. Этот прием был избран для того, чтобы через усиление экспрессии и эмоциональности некоторых предложений там, где это уместно, компенсировать в переводе разговорность, присущую стилю повествования оригинала. Приводим несколько примеров такого увеличения экспрессивности: «A tak na tom jsem» [O, 80] – «Ну и приключилось же со мной такое!» [П, 14]; «To bude tedy dárek k Vánocům» [O, 80] – «Ну и подарок в Рождеству!» [П, 14]; «Proč po ní vlastně sáhla» [O, 105] – «Почему все-таки ее взяла?» [П, 18]; «Fuj, vždycky věděla, že to jsou lži» [O, 104] – «Фу, она всегда знала, что это ложь!» [П, 18].

2.5.3. Стилистические сдвиги

При анализе микростилистики приведений было замечено включение разговорных элементов в структуру рассказов, иногда представленных грубыми, просторечными словами или словосочетаниями. В ходе работы над переводом были использованы всевозможные методы для передачи разговорности, хотя в некоторых местах полное соответствие так и не было достигнуто, поэтому можно констатировать, что была допущена нейтрализация экспрессивности оригинала при переводе. Приведем несколько примеров таких переводческих сдвигов на стилистическом уровне: «Tenhle malý přísluhoваč těch, jak ona by řekla, **černoprdebníků**, je tou Pavlou, Pavlínkou, s jejímž obrazem Saša celé dny mluví jako s andělem» [O, 117] – «Этот маленький прислужник этих, как бы она выразилась, **чернорясников** и есть той Павлой, Павлинкой, с образом которой Саша целыми днями разговаривает, словно с ангелом?» [П, 26]; «Něco, nebo

někdo, kdo ví lépe než každý jednotlivý **sobecký kašpar**, co je pro toho **sobeckého kašpara** dobré a co je dobré pro všechny **kašpary**» [O, 115] – «Что-то или кто-то, кому больше любого **самовлюбленного дурака** известно, что будет лучше для него и как будет лучше для всех **самовлюбленных дураков**» [П, 25].

Передать присущую текстам просторечность удалось через лексико-синтаксическую стилизацию разговорного стиля, который в тексте перевода все же остался более книжным и менее грубым.

2.5.4. Прагматические сдвиги

На прагматическом уровне в ходе перевода дошло преимущественно к сложной трансформации понятий или значений путем генерализации и субституции. Переводчиком была сделана попытка заменить несуществующие в культурной традиции русскоязычного читателя явления методом подбора общего понятия с последующей его субституцией. Так, несвойственный русскому фольклору чешский праздник «Трех королей» с его главными атрибутами и действующими лицами был заменен на более привычный и известный читателю – «Коляду», хотя при такой замене некоторые смысловые ассоциации были утрачены или приобрели новую коннотацию, как в этом примере: «Jak tu pochodujeme jako **tři králové** s mobilním telefonem a **já stará černá** vzadu» [O, 78] – «Как здесь шествует группа **трех колядников** с мобильным телефоном, **а я, старая и черная**, плетусь позади» [П, 13]. Прилагательные «старая» и «черная» создают для чешского читателя дополнительную ассоциацию с «черным мавританским королем», который фигурирует в празднике «Трех королей», но в переводе эта ассоциация теряется, хотя на первый план выступает их метафорическое значение – грустный, несчастный, больной.

Еще одним переводческим сдвигом, который в себе совмещал и высказывание «недосказанности», и выражение формальных синтаксических связей, было употребление кавычек. В рассказе «Облако» повествуется о мальчике, которого главная героиня воспринимает как девушку, причем ее обращение к нему постоянно меняется, автор пользуется игрой имен «Павел – Павла/Павлина». Для русскоязычного читателя женские имена «Павла/Павлина» не столь распространенные, поэтому для внесения большей ясности в текст перевода были добавлены кавычки, которые указывают на метафорический подтекст сообщения: «Saša se na **ni** nemohla vynadívát, na ty jemné modré žilky na spáncích...» [O, 107] – «Саша не могла наглядеться на **эту «девушку»**, на

ее тонкие синие прожилки на висках, на подбородок-бородку, что для парня был бы коротковатым, но для девушки – в самый раз» [П, 20]; «Tak tady máš», dala jí desetikorunu od cesty, «a zítra chodit nemusíš, to vydržím» [О, 108] – «– Держи, – дала «ей» десять крон чаевых, – а завтра не приходи, я выдержу» [П, 20].

Все вышеприведенные переводческие сдвиги были направлены на усиление информативной, коммуникационной и прагматической функций текста перевода для того, чтобы наиболее ярко и полно передать иностранному читателю эстетику и экспрессию оригинальных произведений.

ВЫВОДЫ

Целью данной работы стал перевод двух художественных рассказов «Млечный Путь» (*Mléčná dráha*) и «Облако» (*Oblak*) современного чешского писателя Яна Балабана (Jan Balabán), которые вместе с другими восемью рассказами впервые вышли в сборнике «Мы все еще здесь» (*Jsme tady*) в 2006 году. Перевод этих рассказов предназначен для широкого круга русскоязычных читателей, которые познакомятся с творчеством Яна Балабана впервые. Автор данной монографии имеет намерение предложить публикацию вышеназванных произведений русскоязычным изданиям.

В данной работе был представлен многоуровневый анализ обоих текстов, выявлена их специфика и художественно-поэтические особенности. На основании многоаспектного анализа были сформулированы переводческая концепция и метод перевода, целью которых стало создание адекватной репродукции оригинала в рамках «золотой середины» – верного и вольного переводческого подхода. Задачей переводчика была верная передача эстетической и эмотивной функций, а также усиление коммуникативной и информативной функций.

В ходе работы были выявлены многочисленные трудности, а именно: адекватная передача разговорного стиля произведения, выраженного в сниженной просторечной лексике, верное воссоздание оригинальной поэтики автора, например игры слов, пути преодоления прагматических и семиотических различий, возникающих у читателя-носителя другой культуры. Эти вопросы подробно рассматривались в разделах «Трудности перевода» и «Переводческие сдвиги».

Эта работа имеет практическую и научную ценность, т.к. в ней была предпринята первая попытка перевода литературных произведений чешского писателя, еще не известного русскому читателю, а также был произведен художественный анализ рассматриваемых произведений и дана общая характеристика стиля и наследия автора. Надеемся, что данная работа будет способствовать оживлению культурного диалога между Чешской Республикой и Русской Федерацией, а также популяризировать современную чешскую литературу в русскоязычной среде.

РЕЗЮМЕ

Целью данной работы являлся адекватный функциональный перевод двух рассказов – «Облако» (*Oblak*) и «Млечный Путь» (*Mléčná dráha*) – из книги «Мы все еще здесь» (*Jsme tady*) современного чешского писателя Яна Балабана (Jan Balabán) и его переводческий комментарий. В первых трех разделах монографии представлен многоаспектный анализ текста оригинала, определены переводческая концепция и метод перевода, которые нацелены на верную передачу эстетической функции произведений с усилением их коммуникативно-информационной наполненности. Последние два раздела работы посвящены разбору переводческих трудностей и сдвигов, возникших в ходе работы и касающихся преимущественно лексического и прагматического уровней текста.

RESUME

The aim of this study was to make an adequate functional translation of two short stories – *Cloud (Oblak)* and *Milky Way (Mléčná dráha)* – taken from the book of contemporary Czech writer Jan Balabán *We are here (Jsme tady)* and its translation comments. The first three chapters of this diploma work present a multiple-aspect analysis of original texts, define the translation method and concept, which aim to reproduce correctly the aesthetic function of analyzed literary works with the strengthening their communicative and informational functions. The last two chapters are devoted to analysis of translational difficulties and changes, which take place in the course of work and primarily cover lexical and pragmatic levels of texts.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Основные источники:

1. Jan Balabán. Jsme tady. Příběh v deseti povídkách. – Brno: Host-vydavatelství, 2006. – 196 с.: ISBN 80-7294-207-7

Второстепенные источники:

2. Бабенко Л.Г., Казарин Ю.В. Лингвистический анализ художественного текста: теория и практика. Учебник, практикум. – 2-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 496 с.: ISBN 5-89349-337-0, 5-02-022602-5
3. Валгина Н.С. Теория текста: учебное пособие. – М.: Логос, 2003. – 280 с: ISBN: 5-94010-187-9
4. Земская Ю.Н., Качесова И.Ю., Комисарова Л.М. и др. Теория текста: учеб. пособие / под ред. А.А. Чувакина. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 224 с.: ISBN: 978-5-9765-0841-5
5. Квеселевич Д. И. Толковый словарь ненормативной лексики русского языка. – М.: АСТ: Астрель, 2005. – 1024 с.: ISBN 5-17-018913-3, 5-271-06520-0
6. Лотман Ю.М. Об искусстве. – СПб.: Искусство – СПб, 1998. – 704 с.: ISBN 5-210-01523-8
7. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русского жаргона. – СПб.: Норинт, 2001. – 720 с.: ISBN 5-7711-0091-9
8. Попович А. Проблемы художественного перевода: Учеб. пособие. Пер. со слов. – М.: Высшая школа, 1980. – 199 с.
9. Čermák F. a kol. Slovník české frazeologie a idiomatiky 4: Výrazy větné. – 2-е изд., перераб. и доп. – Praha: Leda, 2009. – 1272 с.: ISBN 978-80-7335-215-8
10. Honzo, ahoj! Setkání s Janem Balabánem. / Ред. и сост. D. Iwashita, M. Plzák. – Praha: Kalich, 2011. — 211 с.: ISBN7017-148-6
11. Hruška P. Vážně. // Jan Balabán. Povídky. Dílo I. – Brno: Host, 2010. – С.I-VII: ISBN 978-80-7294-396-8

12. Hugo J. a kol. Slovník nespisovné češtiny: argot, slangy a obecná mluva od nejstarších dob po současnost: historie a původ slov. – Praha: Maxdorf, 2006. – 1416 c.: ISBN 80-7345-098-4
13. Chuchma J. Od sebe k druhým a zpět k sobě. // Jan Balabán. Romány a novely. Dílo II. – Brno: Host, 2011. – С. I-XI: ISBN 978-80-7294-477-4
14. Iwashita D. Jan Balabán. Možná nejsme sami. // Lidové noviny. – 30. prosince 2004.
15. Lhotová K. Komentovaný překlad: Russkij Oksford, Russkije učenyje v Prage In: Dom v izgnanii. Očerki o ruskoy emigracii v Českoslovakii 1918-1945: Bakalářská práce na Filosofické fakultě Univerzity Karlovy na Ústavu translologie. Vedoucí práce PhDr. Danuše Oganješjanová, CSc. Praha, 2012.
16. Levý J. Umění překladu. – Praha: Ivo Železný, 1998. – 386 c.: ISBN 80-237-3539-X
17. Popovič A. Originál – překlad. Interpretačná terminologia. – Bratislava: Tatran, 1983. – 368 c.

Электронные источники:

18. Белозерова Н.Н. Эстетика поэтических произведений Джеймса Джойса [Электронный ресурс]: Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Ленинград, 1988. URL: <http://frgf.utmn.ru/last/No9/text15.htm> (дата обращения: 14.8.2010).
19. Википедия – свободная энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 14.8.2010).
20. Грицанов А.А. Энциклопедия. Постмодернизм [Электронный ресурс]. Минск: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001. URL: http://www.e-reading.org.ua/chapter.php/127706/184/Gricanov_-_Postmodernizm.html (дата обращения: 14.8.2010).
21. Евсеева Т.В. Переводной художественный текст с комментарием: структурные, когнитивные и функционально-прагматические особенности [Электронный ресурс]: Автореферат на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Ростов-на-Дону, 2007. URL: http://rspu.edu.ru/rspu/science/dissertation_councils/dissertations/avtoref/EvseevaAvto.pdf (дата обращения: 14.8.2010).

22. Объективный экзистенциализм: сайт академии диалектики и диалектической философии. [Электронный ресурс]. Дата обновления 31.01.10. URL: <http://dialectics.ru/620.html> (дата обращения: 14.8.2010).

Приложение: текст оригинала

Mléčná dráha

Ještě i na Štědrý den dopoledne se všude prodává, i odpoledne. Kdy vlastně začíná ten svátek, ptala se Kateřina sama sebe. Vždycky měla problémy s definicí časových intervalů, v nichž se události dějí. Teď už jsou Vánoce? Nebo na ně ještě čekáme? Nebo už je po nich? Ještě jsou v nedohlednu odpoledních příprav, anebo už zmizely ve zmuchlaných papírech od dárků a v celém tom neladu, který přináší ono posvátné rozbalování? Každý si to skládá na svou hromádku, každý každému děkuje, každý je dojat, třeba i tím, co mu radost nedělá, a Kateřině je při tom vždy nevýslovně smutno. Copak se dá dělat radost? Dělat se dají tak leda hlouposti. Dělat se dá tak leda do záchodu. Radost už někde je hotová, neudělatelná, ale jen málokdy je u nás. Jen málokdy je u mě.

Kdyby jí to její celoživotní omezující nemoc dovolila, opila by se každý Štědrý večer, sotva by uložila děti s dárky do postelí. Opila by se anglickým ginem, mezi těmi papíry a zhasnutými svíčkami. Cedila by slzy u okna a hleděla na odlesky stromečků v jiných

šťastných oknech. Ale opíjení pro ni není. V deseti letech dostala skutečný dar od Boha, možnost přežít to, co se nepřežívá, projít po lávce tak úzké, že ji pod nohama nevidíš. A od těch dob je tu sama, živá a svým způsobem zdravá, ale sama. Spíš pro druhé než s druhými, říká si vždycky, když je jí úzko. A ono to pomáhá.

Pára od huby a křupnutí sněhu pod botou, to člověka vždycky potěší.

„Půjdeme kolem řeky,“ rozhodla se náhle.

74 | „A to chceš jít celou cestu pěšky, až k dědovi?“
podivil se kluk, ve dvanácti letech najednou už tak vyčouhlý a prudce rostoucí a tolik podobný svému otci, který už s nimi není.

„Jasně pěšky, pěšky!“ radovala se o tři roky mladší a mnohem bojovnější a mnohem méně melancholická dcera řečená holka.

„A já ponesu ten dárek,“ rozhodla a zvedla do výšky papírovou tašku s barevným nápisem. Uvnitř se v lesklé krabici skrýval dosud neoživený úplně nový mobilní telefon i s nabíječkou a záručním listem. Byl to vlastně nápad téhle malé slečny, která tu teď zabalená v umělém kožíšku a s ušatou čepicí na hlavě patou rozbíjí zmrzlé kusy sněhu na okraji chodníku.

„Bude se mu hodit, když teď půjde do nemocnice, budeme mu vždycky moct zavolat, a tak tam nebude tolik sám,“ rozumovala před nabídkou těch skvěle designovaných malých vysílaček, které nás mají už navždy zbavit strachu z ticha.

„Tady ten Sony Ericsson!“

„Myslíš, že jsem milionářka?“

Stejně holku podezřívala z toho, že je nadšená hlavně možností kupovat mobilní telefon a na hroživou diagnózu starého pána ani nepomyslí. Děti mají právo nemyslet na diagnózy, okřikla se a koupila podstatně levnější Siemens.

Prošli městem, kde předvánoční shon pomalu odumíral a zamrzal jako krev posledních zabitých kaprů kolem poloprázdných kádí. Už to mají za sebou, nevěděla přesně, jestli ty ryby, nebo ti promočení prodavači, kteří si celý den v mrazu marně dýchali na mokré prsty.

„Zapomněli jsme na to cukroví,“ kluk si vzpomněl na krabičku se vzorky jejího cukrářského umu. Pusinky, kokosky, schválně pekla to, co vůbec nemohla jíst. Kdosi jí doporučoval jakési téměř nesladké cukroví z ovesných vloček. Taková blbost, naopak pečivo je třeba zasypat cukrem, rozpoutat nad ním vanilkovou bouří, vždyť mnohdy je to jediný sníh, který o Vánocích padá. Ne tak letos, letos je sněhu nad kolena. A pusinky a kokosky zůstaly na židli v předsíni.

Došli k řece. Úzký proud dosud nezmrzlé vody protékal mezi ledy, které narůstaly od obou břehů směrem doprostřed. Do Nového roku jistě zamrzne. Předpověď je docela drsná. Na konci kamenného nábřeží sešli na holý břeh. Řeka dál tekla širokým obloukem v podstatě pustou krajinou kolem továren a hald a k městu se zase přiblíží až na předměstí, kde Kateřina vyrostla. Touhle cestou chodili jen rybáři, bezdomovci a zloději železného šrotu.

Tenká pěšinka je vedla hustým porostem suchých, jakoby bambusových stvolů rostliny křídlatky. Křídlatka je nejhouževnatější plevel na světě. Miluje kyselou půdu. Její husté kolonie pohlékají břehy řek a celé louky. Rozvětvené koruny dužnatých jasně zelených listů se propojí a udusí vše ostatní. Pod křídlatkou už neroste nic. Jako děti se v ní schovávali, dělali si v ní takzvané bunkry, ale byla to spíš hnízda a v nich se k sobě krčili jako bažanti, kteří se v ní také přes den ukrývali před dravci.

76

Teď však byly její ojíněné stvolky rezavé a křehké a kluk je snadno přerážel klacíkem, jako by si klestil cestu pralesem. Na jeho hubených ramenou poskakoval batoh s ostatními dárky. Za ním holka, která se neustále ohlížela, aby jim snad máma nezmizela z dohledu, a zároveň pokřikovala na kluka, ať nejde tak rychle. Chtěla je mít pohromadě jako ovčácký pes.

První most. Na čelech pilířů zachycené šedé cáry, větve a klády po poslední povodni. Pod ocelovým obloukem nesoucím drážní těleso u paty betonového sloupu bylo podivné tábořiště. Potrhané zmrzlé matrace, jedna sedačka ze škodovky, možná z trabanta, ohniště, hadry, plastické lahve. Kateřině přeběhl po duši mráz. Ne snad strach, ale nemožnost ji mrazila. To ona by nemohla. Ne že by tak nemohla dopadnout. Divili byste se, jak je tomuhle nocovišti člověk v každém okamžiku blízko. Je to vlastně zázrak, že tady na té sedačce s flaškou rybízáku ještě nesedíte. Ale ona by nemohla. Pro ni by tohle dopadnutí již bylo dopadnutím do hrobu. Se svou omezující chorobou

mohla žít pouze v civilizaci, a to tak vyspělé, aby byla schopná klonovat a průmyslově vyrábět podstatné hormony, které není schopné vyrobit její tělo. Proto musela být slušná, pojištěná, střízlivá a vydělávat dost peněz. Na hipísku nebo bezdomovku si může jen hrát – i když vlastně možná jí pořád je, jen v trochu jiném smyslu, než jak to lidé chápou.

„Ale už vstávej, než ti přimrzne zadek,“ napomenula holku, která si klidně sedla na to bídné křeslo, zatímco kluk na to hleděl zamyšleně a zamračeně.

„Kam odešli?“ zeptal se po chvíli.

„Někam do tepla,“ odpověděla mu.

„Do charity, do domu toho svatého Františka,“ referovala holka, „tam chodí bezďáci na zimu, to říkali v televizi.“

Za prvním mostem pokračovali po takzvané navigační cestou mezi řekou a sloupky s cedulemi *vstup zakázán* vytyčujícími pozemek veliké zastavené továrny. Podívej se na ty stavby. Na ocelových nohách tu stojí vysoká sila třídíren koksu. A dál baterie, která se svými žebry vypadá jak rezavá železná knihovna. Šikmé mosty dopravníků, široce rozkročené mostové jeřáby nad prázdnou skládkou rudy. A v pozadí korpusy vysokých pecí, kterým někteří nadšenci přezdívali Hradčany. Je to spíš jakási ruina, kde v chladných dutinách bývalých výhni hnízdí ptáci a rosomáci. Tě zatím ne. Tě přijdou až později, až nebude civilizace, v níž by Kateřina mohla žít.

Ale tahle ruina má svou cenu, železo. To přitahuje chlapy, kteří se žádných cedulí neleknu. Co neurazí,

to uříznou, a co neuříznou, to upálí autogenem, naloží a odvezou a dobře prodají do kovošrotu. Pak to propíjí, potěší se s ženskými, nakrmí zlodějské automaty, a když je prázdné, vyrazí na další výpravu.

Železo šroťáky miluje. Oni ho zachraňují od chladného stání a rezavění bez užitku. Vyprošťují je z krystalické nehybnosti a znovu přibližují k ocelářským pecím, v nichž se nevzhledné a marné kusy šrotu v žáru tisíců stupňů celsia znovu připojují k žhavému proudu, který člověk po zemi rozlévá už tisíc let.

78

Děti na ta monstra hleděly s posvátnou hrůzou, dokonce i holka přestala na chvíli brebentit. Kateřině se zdálo, že vzduch je najednou čistý a průzračný a řezavě ostrý. Jako by jí při každém nadechnutí pronikal až do žaludku. Bylo to příjemné a děsivé a nebezpečné, ale ona ve svém štědrodenním rozpoložení nebezpečí nevnímala. Naopak vnímala všechno kolem, jako by se to právě vynořilo, ani ne z vody, ale doslova z lihu, nebo z éteru nebo něčeho ještě lehčího a těkavějšího.

Dovedla si najednou představit, jak je vidí temné oči vybitých oken těch budov tady. Jak tu pochodujeme jako tři králové s mobilním telefonem a já stará černá vzadu. Jenomže ten telefon neneseme Kristu Jezulátku, ale starému nemocnému muži, jenž se hned po svátcích půjde porvat o život s diagnózou, kterou radši nikdo nevysloví nahlas. Plakala a smrkala a schválně se opožďovala za dětmi, aby si toho moc nevšímalý.

Podél železniční trati dorazili k dalšímu mostu. Tady už za chvíli odbočíme do města, říkala si starost-

livě a s úzkostí si uvědomovala, že se v jejím pohledu kontury okolního světa podivně vlní. To je jasný příznak, snad to stihne, aniž by něco musela říkat dětem. V nestřeženém okamžiku zajela rukou do svého teplého podpaždí a vypnula pumpu. Aspoň zastavím přívod inzulinu, snad to pomůže.

Z osikových houštin tu vystupuje tlustá roura, z níž se do řeky v bílých oblacích valí horká voda. Nějaký přepad z elektrárny. O tu rouru se zády opírá bouda polátaná ze všeho možného. Každopádně, ten, kdo v ní žije, má topení zadarmo. Ale jaký je to život v těchto končinách a třeba v noci. To aby člověk spal s kulovnicí u postele. A chudí lidé většinou kulovnice nemají.

Ale mají psy. Z boudy se vyhrnulo několik divoce štěkajících ořechů rozhodnutých chránit své teritorium. Chvíli to vypadalo nebezpečně, ale pak z boudy vyšla nějaká paní a okřikla je. Byla to pěkná paní v červené silonové bundě, šedých legínách a vysokých kozačkách. Na vlasech měla čerstvý červený přeliv. Zahнала psy do boudy a odpověděla na pozdrav a na přání šťastných Vánoc s takovým zvláštním vědoucím a trošku trpkým úsměvem. Chvíli se na sebe s Kateřinou dívaly. Ta paní ovšem nevěděla, že se v Kateřininy očích vlní v chvějivém vzduchu, jako by hořela na hranici.

Tak všichni hoříme, aniž o tom víme. Ona možná čeká na někoho, kdo přinese jídlo a víno a vánočku a cigaretový tabák a papírky a rybí prsty, které si tu pak spolu usmaží a opijí se a pomilují a vynadají si a všechno si vyčtou a zase se pomilují a opijí a budou

se radovat se zadkem přitisknutým k teplovodní rouře. A nakonec se třeba zabijí, nebo naopak zachrání. Ale takový pěkný zářivý přeliv si neudělá ženská, která už od života nic nečeká. A to je krásné. Ještě jednou se za tou paní ohlédla a viděla, že i ona se ohlíží na nimi, za třemi králi s mobilním telefonem.

80

A pak bylo zle. Kateřina klopytala za dětmi směrem k dálnici, za níž už bylo sídliště, ale její rezerva byla na dně. Kapitán Scott v Antarktidě také zemřel jen jeden denní pochod od záchranné stanice. V emocionálně vypjatých dnech člověk dělá chyby. Ráno se zapomněla najíst, nevezla si kabelku s pohotovostním cukrem, i to zatracené cukroví nechala doma a teď má hypoglykémii jako hrom a nic, čím by ji mohla vykompenzovat. Kluk má žvýkačky, ale ty jsou taky bez cukru. A co ten telefon, někomu zavolat, ale, zrada, není oživený, a svůj nechala doma i s tím cukrem.

Už sotva šla a věděla, že si musí sednout, že možná bude muset i omdlít. Pak se tělo zase rozběhne a vyrobí si cukr z tukových zásob, ale to chvíli potrvá. Musí to dětem říct, musí jim vysvětlit, že omdlí a zase se probudí. To bude tedy dárek k Vánocům. Zavolala na ně a sedla si na zmrzlé kameny na okraji železniční trati.

A tak na tom jsem. Město se prohýbá jídlem. Žrádlem, a ne ledajakým, přetékaají i spížírny rodin s nízkými příjmy, berou si na to půjčky, aby měli něco extra. A já tu zmírám v zoufalé potřebě tři kostek cukru nebo tři krajíců chleba. Možná bych se měla doplazít k té červené paní a poprosit o jídlo, ale to už je taky

daleko. Bez mdloby to nebude. Trochu zima na hodi-
nové poležení. Ach, co počít?

„Ale tady u dálnice, to už je slyšet, slyšíš ty auta?
Tak tam je pumpa s obchodem, Šelka,“ řekl jí kluk
v odpověď na oznámení, že matka za chvíli ztratí vědo-
mí, „tam se dá něco koupit. Tam jsme přece brali ben-
zín, pamatuješ?“

„Ale tam já už nedolezu.“

„Tak mu dej peníze, on tam zajde,“ radila holka.

„Zajdeš? Tady ale není úplně bezpečno, někdo tě
přepadne, já mám strach.“

„Já nemám strach.“

„A já tu s tebou počkám,“ řekla holka a vytáhla jí
z kapsy peněženku, „kolik mu mám dát?“

„Padesát korun.“

„Je tu jenom dvoustovka.“

„Tak mu dej dvoustovku. A ty si ji dej do kapsy
u kalhot a bundu přes to a kup něco sladkého, jedno
co, ale hodně... aspoň tři... pět... tyčinek... a ty pojď
sem...“

Sevřela holku v náručí a strnule hleděla přes její
rameno do zmrzlého křoví. Vzdurovala mdlobě. Slyše-
la rachot šterku pod vzdalujícíma se klukovými noha-
ma a v dálce skutečně hučela auta.

Šedé hrany šly jedna přes druhou jak v prasklém
okuláru mikroskopu. Zmrzlé proutí, vločky, kapky,
krápníky, rampouchy, sople pod dětskými nosy. Esky-
mácké ženy jim to olíznou, ona jim to taky klidně olíz-
ne, až bude moct. Až bude vidět víc než tyhle šedé
hrany, které jdou jedna přes druhou. Zanic si nechtěla

představovat, jak nějací hrozní šroťáci drží jejího kluka a stahují z něho kalhoty i s těmi penězi v zadní kapse, on jim utíká, peláší zajíček s holým zadkem v tom sněhu, který jde jeden přes druhý, vločky za vločkami a on pořád utíká s tím malým pindíkem, co si ho ve vaně už nechce nechat přetáhnout, a šroťáci s vlčími tlamami se rvou o ty dvě stovky a on zatím peláší do Šelky pro čokoládku pro maminku, na tu však už nemá peníze, snad mu ji dají zadarmo, když je Štědrý den, nedají, určitě nedají, protože lidi jsou zlí i na Štědrý den.

„Mami, mami, tady, tady!“ s námahou otevřela oči a uviděla široce otevřené oči kluka, který před ní dřepěl s strkal jí do pusy čokoládovou tyčinku.

„Sněz to, sněz to,“ šeptala jí holka a držela ji za hlavu, div jí ji neulomila.

Kousala a polykala tu mazlavou bílou hmotu pod hnědou kůrou. Dolů s tím, protlač to suchým krkem do žaludku a ještě jednu a... a... ach... Pomalu leze, pomalu stoupá, a už se valí, už se valí zmrzlou řekou teplý proud. Bouře bílých krystalů nad stříškami pečiva, pusinky, kokosky, pusinky růžové, čumáčky, hroty prsů u hladových úst.

„Máš kalhoty?“ zeptala se kluka ještě celá zblblá.

„No mám,“ odpověděl nechápavě.

„To je dobře.“

„A podívej, co ještě má,“ holka ukazovala na řadu tyčinek Milky Way rozložených na sněhu, „ještě jich zbylo devět.“

Mléčná dráha, náš domov ve vesmíru, říkala si

Kateřina celá dojatá. Nevím, jak to s námi nakonec dopadne, ale tohle dopadlo dobře.

Vstala na nohy, které se jí zpevňovaly každým okamžikem.

„Můžeme si taky vzít?“ ptala se holka s hromádkou tyčinek v náručí.

„No jistě, myslíš, že to sním všechno sama?“

Oblak

102 | Alexandra řečená Saša seděla v křesle a kouřila. Hodně. Celý život kouřila jednu za druhou. Nikdy nedostala rozum. Nikdy neměla poslední cigaretu, už poslední krabička v ní probouzela paniku. Zůstat bez cigaret. Tahle tři slova pro ni znamenala bídu s ostrými hranami. A co potom? Několikrát se jí to přece stalo. Nikdo si nedovede představit jalovější čas. Nemůžeš ani spát, ani bdít, nemáš cigára a nemáš na cigára, a nikdo ti nedá. Máš třeba zlomenou nohu v sádře až po pás a na ulici k trafice se nevyvlečeš, čtyři patra nesejdeš, to bys spíš mohla skočit z okna. Tvůj ničemný chlap ti ukradl železnou zásobu a hulí ji někde s těmi svými čurdami. Nic jim nezávidíš, ani to, co už strká jen do nich a do tebe ne, jenom ten oblak, jen ten popelník, v němž hoří několik cigaret, ten jim závidíš, až tě ta závist ohýbá.

Prázdňá vidlička ukazováku a prostředníku marně zalétá ke rtům, nic tam není, a oni zapomínají oklepávat, zapomínají tabat, chechtají se, ženské rozjeté jak mašiny nemůžou smíchem popadnout dech při jeho

vtipu. Kde je vyšisovaná košile mladé holky? Na prsou! A košile vdané paničky? V rozkroku! A košile staré báby? Na zadku, cha chá! Jak je to hrozně nedávno, co se tomu samému vtipu smála sama, statná a rozjetá jako ony. Parta, partia. Co je nad to, po představení, když je sukces a sukces je vždycky, sukces musí být, a jde se do klubu a na bar a po štamprli a do vinárny a na kvartýr, konečně na kvartýr, ber flašku a cigára, radši dvoje. To je kuřačka, ta kouří všechno, cha chá!

Jedna vytřepaná partyzánka by jí teď stačila, než přijde ta zatracená holka a donese balíčky. Ach, balík cigaret, když z něho utrhneš proužek staniolu, rychle pryč s tím stříbrným papírem a už je vidíš, filtry natlačené v řadách jako patrony v zásobníku. Aspoň jednu partyzánku, co už se nevyrábí, a ona už taky partyzánky nehraje a kolik jich zahrála a kolik pionýrek. Poslední tři tahy z cíga za portálem, upravit šátek a na scénu. To byl rajc, chlapi si mohli krky vykrotit, ženská, jakou tehdy byla, skládá pionýrský slib v krátké sukýnce, zaplétané copy tuhé jak karabáče, rudý šátek, rudá rtěnka. Dělníci, úderníci na ní mohou oči nechat, co jí to napíná bílou košilku. Nazdar, soudružko!

Kde jsou ty skripty, kde jsou ty role, kam je založili, kam zašantročili Fadějeva, Ostrovského, Kohouta, toho hajzla, co pak dvacet let falešně kokrhal ze Svobodné Evropy. Ale tehdy, když hráli jeho Dobrou píseň po celé republice, i na Slovensku, na východě, ve Snině, představ si to, i tam byl Kulturný dom. To bylo cigaret, můj bože, aspoň jednu. Aspoň na pět minut se

vrátit to toho zájezdového autobusu, tam bylo zahuleno, až se lidi dusili, jen se tak trochu dusit, když kouří všichni, herci, kulísáci, bedňáci, funkcionáři – děcka, říkali jsme si děcka, a hulili jsme jak partyzáni v zemi jance.

104

Není jalovější čas než zůstat bez cigaret. Nemůžeš spát, nemůžeš bdít, zůstaneš ležet jak nemocný pes, nebo jako člověk ozářený na onkologii, oko bez jiskry zájmu šedé jako slina hledí do místnosti, kterou nevnímá. Takhle se prodlužuje život, který za nic nestojí, a přece bez něho, bez toho dechu, co ti bolestivě zvedá vyzáblý hrudník, si ani nezakouříš, ani se nemůžeš na to cigáro těšit. Možná že smrt je právě taková, znehybníš a shniješ a odtečeš do půdy, ani si toho nevšimneš, protože budeš pořád čekat, až ti konečně přinesou cigarety, a co pak po tobě zbude, jenom ta strašná jediná potřeba nadechnout se kouře.

Vždyť já mám! Celá se vzpřímila ve svém křesle a přirazila ruku na poloprázdnou krabičku. A takhle se straším! A takhle se trápím! Jak to cvakne. Schválně podržela plamen zapalovače kousek dál od konce cigarety a s přivřenýma očima vychutnávala, jak se prázdný vzduch proudící do jejích plic začíná pomalu plnit tím modrým omamným jedem. A pak si pořádně zhluboka bafnout, a je to. Nejisté kontury světa se vrátí do pevných poloh.

Její pohled padl na knížku ležící vedle popelníku. Kniha s černým lesklým přebalem, na němž je bledě žlutými písmeny napsáno: DOZNÁNÍ a pod tím Artur London. Fuj, vždycky věděla, že to jsou lži. Tihle lidi

chtěli hlavně poškodit stranu. Nikdy to nečetla. Věděla, co tam bude. Všichni jsme to věděli už dopředu, co tihle sionisti... Minulý týden si ji sama přinesla z knihovny, byla tam vystavená mezi novinkami. Proč po ní vlastně sáhla. Asi jí skutečně připadala nová, jako může být nové to, o čem moc slyšela a nikdy na to ruku nepoložila. Teď si to můžu přečíst, a odsoudit sama. Proč jste nám to nepovolili dřív, soudruzi, možná bychom byli ještě u moci. Kdybyste víc věřili obyčejným lidem ve straně. Něco jsme museli udělat špatně, když nás ten Gorbačov mohl takhle rozpustit. Najednou jsme byli slabí, nemohli jsme pohnout ani prstem.

105

Vždycky si spojovala ochrnutí své strany s propadem vlastního zdraví. Někdy, když se přidušovala kašlem a její strádající mozkové buňky pouštěly myšlenky do divokých hyperbol a citových explozí, cítila přímo tělesné spojení mezi zhoubným bujením ve svých plicích a klesajícíma rukama stranických orgánů. Já se uzdravím, já se musím vzchopit, říkala si v poryvech kašle, jako by její uzdravení mohlo vlít do strany novou sílu, jako by oživení jejího náhle zchátralého těla mohlo stranu mysticky vrátit k životadárnému třídnímu přístupu, k obyčejným pracantům, pro které ona hrála celý život divadlo, agitky i klasiku. Lidí to potřebují a sukces, a potlesk a smích. Soudruzi, nemůžete pracujícím do rudého vermutu nalévat sodovou vodu. Milovala Itálii, vermut a „bandiera rosa la triumfera“, krásní chlapi, ti Italové. Dovedli se radovat, tančit, milovat, pověsit Mussoliniho za nohy i s tou jeho kurvou.

Krásní chlapi a ve Francii taky, cigarety Galouise, to je břitva do plic, to kouřili odbojáři, partyzáni. Škoda že tam po válce vyhrála reakce. Jaký to mohl být svět. Jak ten mladý Belmondo ve svých prvních filmech, takového hrál proletáře. Na Belmonda jí nikdo nesmí sáhnout, ani teď. Nakonec reakce vyhrála i tady, kde svět patřil nám. Werich, to byl fešák, s tím břichem a s karafiátem v klopě, kus chlapa a do srandy. Nebe na zemi jsme hráli, a co z toho zbylo. Nakonec i ve straně zvítězila reakce a ona se dusí a nemůže s tím nic dělat, prsy prázdné jak sáčky od mlíka.

A teď si přinese domů tu jejich knižní novinku a bojí se ji otevřít. Bojí se, jak se nikdy nebála. Ani za konsolidace, při stranických prověrkách, kdy ten její ničemný chlap zahodil legitku, ale ona ji zvedla, ona pochopila, co strana chce, díky ní to přežil i on, ten chlap, co teď obšťastňuje mladé baby. Ať si užije, dokud může. Ale ať jí sakra nebere cigarety. Položila ruku na knihu, bude ji muset otevřít? U dveří se ozvalo spásné zaklepaní. Konečně je tady ta holka zpropadená.

* * *

Holka nesoucí v tašce tři rohlíky, šunkový salám, láhev minerálky a hlavně tři balíčky cigaret nebyla vůbec žádná holka, ale dvanáctiletý chlapec s dlouhými vlnitými vlasy. Byl drobný, útlý a slušně vychovaný a krásný jako dívka. V jeho bledé tváři s drobným nosem a očima posazenýma dále od sebe ještě nebylo možno zahlédnout ani stín mužské agresivity a naparo-

vačného zbabělství, tolik typického pro chlapce a muže v okolí. Jeho ústa se nekřivila v úšklebku ani v úsměšku a jeho oči neuhýbaly přímému pohledu. V celku působil nevinně a zranitelně jako srnka zatoulaná do města. Snad proto Saša rozhodla, a ona k rozhodnutí neměla nikdy daleko, že je to dívka, i kdyby to byl stokrát Petr, syn osamělé ženy z vedlejšího domu, říkala mu Pavlo nebo Pájo, a jeho srnčí nevinnost nebo strategie, bůh suď, mu velela nechat ji při tom.

Saša se na ni nemohla vynadávat, na ty jemné modré žilky na spáncích, na tu bradu bradičku, která by byla pro chlapce malinko krátká, ale pro dívku akorát. Jakou by z ní udělala herečku. Má přirozený talent, chodí skoro jako chlapec, ale ženskou ladnost si zachovává, ani by nemusela chodit s knížkou na hlavě, ten krok je uměřený, nepřetahuje a nehoupe se jako kačena. Drží hlavu vznešeně a přitom si neplete vznešenost s prkenností, protože ještě neví, že je vznešená. Výborný typ třeba na Popelku, zahrát ten triumf na konci a netriumfovat, tím je nejvíc pokoříš, jako nedostižná Libuška Šafránková. Tuhle něžnou skromnost se musíš naučit ještě dřív, než jsi žena, než si uvědomíš sebe samu a co děláš se svým okolím. To já jsem nezvládla, já jsem byla vždycky divoká a chtivá a u všeho první, jako kluk, jako mužský. V koutku jsem teda neseďávala. Já, když se mi mužskej líbil, tak jsem si ho uměla vzít. Teď už jsem ráda, když si můžu vzít aspoň to cigáro.

„Hodná, hodná,“ řekla, pohladila Páju po vlasech a vyložila si nákup na kuchyňský stůl.

„Tak tady máš,“ dala jí desetikorunu od cesty, „a zítra chodit nemusíš, to vydržím. Ale přijď ve středu, ve středu bude větší nákup a ne že se na mě vykašleš, to bych se musela zlobit.“

„Já přijdu ve dvě, po škole.“

„Tak dobře, a buď hodná a netoulej se. Běž rovnou domů.“

„Na shledanou.“

108 | Takové oči, takové dlouhé řasy. Svět dovede být krásný, když po něm ještě běhají krásné malé ženy. Ale co já už s tím? Povzdechla si neuváženě zhluboka a vzápětí se celá zkroutila v záchvatu kašle, který se jí dařilo oddalovat po celou dobu Pájiny návštěvy. V těch hrozných dávivých poryvech, kdy člověk neví, jestli ještě někdy popadne dech, nebo už konečně zdechne v temnotě svých černých potrhaných plic. Tam se sama utlučeš, tak jako utloukali bez soudu lidi v kasematech.

Ech... ech... ech. Nabrat trochu vzduchu, opatrně, jen po lžících, po lžičkách, tichounce neznatelně nadechovat, opatrně našlapovat a... a... ááách, už je to možné. Otevřela oči. Sluneční světlo plnilo pokoj a rozsvěcelo oblak cigaretového kouře vznášející se kolem jejího křesla a stolu. Prokleté kouření. Pavle, Pavlíčku, na co si to hrajeme? Na Shakespeara? Tam všechny krásné dívky i ty tragické bledule vždycky hráli kluci jako ty. I tu čupr Violu i tu Kordélii nešťastnou oběšenou s modrým krkem a jazykem vyplazeným jako já. Ach. Odplivla si do kapesníku a těžce přemáhala chuť rovnou si zapálit další cigaretu,

aspoň čtvrt hodiny, aspoň pět minut. Ale už držela v ruce zapalovač.

Otevřela knihu Artura Londona a pustila se do toho. Zpočátku se v ní všechno ježilo. Ten plačtivý tón, ty výčitky, to slavnostní žalování. Ač sama herečka, neměla ráda intelektuály, nikdy jim nevěřila. Ona byla holka z lidu, a když někdo použil cizí slovo, které neznala, vždycky ho usadila slovy: „můžeš na mě klidně mluvit latinsky“. Dělníci a vůbec pracující lidi nenačichlí tím bídramajerem svých maminek a těmi knihovnamy svých buržoazních fotrů, ti uměli něco snést, ti věděli, co strana potřebuje a kdo je na které straně barikády, ti dovedli pochopit, že i když se strana mýlí, má v sobě přece kontrolní mechanismy, které ji vrátí ke správnému kursu, že není třeba plakat nad každou hloupostí, nad každou rozbitou hubou. Však my jsme si taky poplakali za Dubčekem, za Sašenkou, ale kam by to vedlo? Realita ukázala něco jiného. Dělníci ve straně, ti na rozdíl od tebe, Arture Londone, věděli, že při práci a při budování občas někoho přejeďe auto, nebo ho něco přimáčkne, kvůli tomu se ještě dílo neopouští.

Takto a podobně přemýšlela a probírala se prvními stránkami nepřátelské knihy. Doznání, doznání! Najednou byla začtená, najednou byla rozrušená. Zapalovala si jednu od druhé a hltala stránky s podivným svatokrádežným nadšením. S podivným vzrušením si uvědomovala, že by nikdy nesnesla, aby takhle někdo mluvil o Tondovi Zápotockém, o Gottwaldovi, a přitom se od toho nemůže odtrhnout. Její povýšeně vytažené

obočí klesalo pod tíhou vrásek, původně sardonicky nakrčené rty byly najednou tenké a suché. Jako by proti tomu, co na ni z knihy lezlo, nemohla dělat nic jiného než kouřit a kouřit a kouřit stále usilovněji, jako by se to doznání snad mělo ztratit v oblaku kouře.

110 | Ale ten oblak už byl v její hlavě. Tak dusno, tak těžko, tře se to o ni, sápe se to na ni jako nějaké hubené zpocené tělo, jako by na ni hodili vyzáblého zmučeného člověka a ona v něm poznávala sebe samu. Po té hrozné terapii, kdy ti tlučou hlavou o zeď a nenechají tě spát. Po té hrozné terapii, kdy tě ozařují kobaltovou bombou. Tvůj mozek se stává průsvitným, není v něm nic nového, tohle není nic nového, nic, co bych neznala, každou osobu, každou fotku poznám, jen je to všechno jinak. Buďto jsem byla blázen tehdy, nebo blázním teď. Ty dvě ruce se nemohou stisknout, jsou každá jiná, to znamená, že každá patří jinému člověku. To znamená, že v tom oblaku, v té dusnosti, v té na zvracení rozhoupané motanici jsou dva lidé, kteří se neznají.

* * *

„Ty tu máš ale šíleně nahuleno!“

Někdo tu je, někdo otevřel okno a vpustil do místnosti studený vzduch a hučení deště. Ten někdo je Sašina dcera Ivana.

„Co sem lezeš,“ vybafne na ni Saša hněvivě. „Když tě potřebuji, tak tě nevidím, i pro ty cigarety si musím posílat holku a teď mi tu větráš. Myslíš si, že si ne-

umím otevřít okno? Kdybych na tom byla tak, tak už bych byla mrtvá, při té vaší péči.“

„Přišli jsme se s Emilem podívat, jestli něco nepotřebuješ, a přinesli jsme ti ty léky,“ odpovídá Ivana, na niž matčin křik očividně nedělá žádný dojem.

„Emil je tu taky? Emile, ahoj! Sakra, mládežníci, já už nemám na návštěvy nervy. Uvařte si kafe, nalejte si rum, nebo co tam najdete, ten chlap taky nemusí všechno vychlastat, a sedněte si někam, ať je klid. A nevypínej mi tu televizi!“ zakřičí na dceru, která už sahá po vypínači rozměrného televizoru.

„Vždyť si stejně čteš.“

„Mně by něco chybělo, musím to mít zapnuté, to přece víš. A zavři už to okno, chceš mě zabít?“

„Vy čtete Doznání Artura Londona?“ podiví se mladý muž stojící nesměle na prahu místnosti.

„No představ si to. Ty jsi to jistě četl ještě v tom, v tom vašem samizdatu, že?“

„Ano, ještě v exilovém vydání.“

„Já vím, od Tigrida, z Paříže. Toho teď oslavují v televizi, jak se prý zasloužil o národ. Co ten o tom národě ví? Celý život seděl v cizině, posílal nám tyhle knížky a měl se z toho jen dobře. Jako ten Havel, teď mu vrátí Lucernu a Barrandov a o tom je ta vaše slavná revoluce. Ale...!“ Saša zlostně zadusí dlouhý nedopalek v popelníku. „Máte, co jste chtěli, a mně, mně už je všechno jedno, všechno jedno. Já chci mít klid!“

Mladí odejdou do kuchyně a vyloží tam nákup, který přinesli. Nalijí si po panáku rumu a rozpačitě mlčí.

Na kuchyňském stole už zůstal jen sáček s krabičkami léků, které vyzvedli v lékárně.

„A kde máte vlastně děti?“ volá Saša z pokoje.

„Doma, oni hodinku vydrží sami,“ odpovídá dcera.

„Tak už radši utíkejte, ať vám tam něco nezapálí.“

„Tady máš léky, a ber to tak, jak je to napsané na krabičkách.“ Dcera položí sáček vedle popelníku a zavřeného Doznání.

„Jak se cítíš, mami? Jak jsi na tom? Co ty nohy?“

112 | „Jak se cítím, chceš vědět, jak se cítím? Tak se cítím, tak...“ Saša se prudce postaví a pak si před dcerou i před zetěm oběma rukama stáhne plátěné domácí kalhoty a oni uvidí její mramorované a oteklé nohy a vystouplé břicho.

„Tak to se mnou vypadá, děcka. To není na koukání, co?“ A zase si kalhoty natáhne a upraví si košili.

„Tak už jste viděli všechno, tak adie.“

„Musíš brát ty prášky, ty jsou na odvodnění, ten Furosemit!“ přesvědčuje ji dcera.

„Neměla byste kouřit,“ dodává Emil a rychle schovává svou zapálenou cigaretu.

„A souložit můžu, pane doktore?“ vyštěkne Saša a rozesměje se chraplavým smíchem, který je slyšet ještě za dveřmi.

* * *

„A do nemocnice nepůjde a nepůjde. A víš proč?“ zeptala se Ivana Emila cestou ze schodů.

„Asi proto, že by tam nemohla kouřit,“ dohadoval se Emil.

„Strašná baba!“ uzavřela Ivana rezolutně.

Kdybych to řekl já, tak se pohádáme, pomyslel si Emil, který už delší dobu s mírným mrazením rozeznával v mladé Ivaně vlastnosti staré Saši.

Ve dveřích protějščího domu stál malý kluk s dlouhými vlnitými vlasy a díval se na ně. Kapuce červené bundy posunutá za temeno hlavy rámovala jeho dětsky otevřenou a přitom nedětsky vážnou tvář.

„Podívej na toho kluka,“ řekl ženě, „znáš ho?“

„To je ta holka, co si ji matka posílá pro cigarety.“

„Vždyť to je kluk.“

„No jasně, že to je kluk.“

„Tak proč ho má za holku, když je to kluk?“

„Znáš ji, je taková. Ona ví, jak věci mají být. Vypadá jako holka, tak je holka, hotovo dvacet.“

„Strašná baba,“ uzavřel Emil i s rizikem hádky.

* * *

Zvedla oči od čtení a její pohled nepřítomně klouzal po jejích drahých věcech, po starých zaprášených krámech na příborníku a na zdi. Gondola z Benátek, kdysi se na podstavci dokonce točila a hrála, než ji někdo překroutil a ulomil gigola s veslem. Panenka s krajkovou mantilou ze Španělska. Barevné misky a tyčinky na rýži z Vietnamu. Loutka pierota se zaprášeným kuželem na hlavě. Malý ozdobný vozembouch s činely a rolničkami, bum bum ratata, zní to hluše jako vzpomínka na flámy v divadelních šatnách. Zašlý bronz malé busty Vladimíra Iljiče napůl schované

mezi knížkami za sklem. Zasklená černobílá fotografie mladé ženy s dlouhými copy a s šátkem na krku, ach ouvej, taková jsem byla.

Víš, Pavlíčko, já umím leccos, já jsem strašná baba, jak se to o mně říká, ještě horší. Já umím být nespravedlivá, vzteklá, já umím nadávat, já umím i lhát, když je třeba. Ale neumím lhát sama sobě. Lhát si do kapsy neumím.

114

Víš, Popelko milá, život není žádná pohádka, to jsem se naučila už za války, v té bídě, v té chudobě komediantské, tam co sis nevzala, to ti nikdo nedal, tak jsme si to vzali, všechno jsme si vzali, co jsme mohli, když svět konečně patřil nám, jak to zpívali ti dva krasavci, co jeden radši zůstal v Americe a druhý se taky pěkně vybarvil. Tehdy jsme bojovali o svůj svět. Náš, ne jejich, náš. Rozumíš? To si nedovedeš představit, jak to bylo hrozné, ale jinak to nešlo. To je třídní přístup. Staré musí ustoupit novému, pro některé lidi už tu místo nebylo, a teď jsem stará já. Všechno si to můžeš vzít, jestli se ti něco z toho líbí, tak si to klidně vezmi domů. Co já už s tím? Já vím, o staré krámy nikdo nestojí.

Zakryla si oči rukama. Vtiskla si tvrdé hubené pěsti do očí, jako by se chtěla oslepit, jako ten Oidipus, co přeříznul vlastní mamu a zabil fotra. Kvůli tomu by se ona nikdy neoslepila. Vždycky měla ráda podivné historie a vždycky věděla, že všechno se může stát, lidi jsou všeho schopní. Proto je potřeba, aby bylo něco nad nimi. Něco, nebo někdo, kdo ví lépe než každý jednotlivý sobecký kašpar, co je pro toho sobeckého

kašpara dobré a co je dobré pro všechny kašpary. Emil, ten Ivanin takzvaný muž, si myslí, že je to pánbůh, co vodí všechny ty kašpárky na nitkách. Jak může chlap s vysokou školou věřit na takové blbosti. To je ten jejich pánbůh vedl taky do plynových komor? To by mu tak bylo podobné! Na takového Boha, Emile, na takového Boha... Nedořekla, jen cítila, jak vzduch z mocného nadechnutí z ní bez užitku vychází ven. Protože před sebou na stole viděla knihu Doznání a za sebou najednou necítila nic, nikoho. Ulice, kterou přece jdou zástupy, pochod, velký pochod, který nekončí s jedním padlým soudruhem? Nic tam není. Strana, která ví lépe než každý jednotlivec? Prázdné židle. Sál pustý jak po posledním hajdamáši. Hesla nakřivo a potrhané fábory z krepového papíru, a jenom kurvy, kurvy oportunistické počítají, co jim to vynese, peníze a hlavně ty cizí, americké dolary, německé marky. Najednou chtěla vyskočit a tlouct hlavou do zdi, jako ti komunisti, jako ti, co věřili, že strana ví, co dělá, a přece jim někdo mlátil hlavou o zeď a učil je, co mají říkat, co má slyšet ten lid!

115

S jednou cigaretou hořící v popelníku a s druhou sevřenou mezi rty vytáčela číslo své dcery.

„Ahoj ... Nic, nic, co by bylo? Je doma Emil? Tak mi ho dej. ... Emile, Emilku, co děláš? ... No to je dobře. Víš co, Emile, přijď sem, ale hned. Ne, doktory nevolej. Přijď na kafe, ale hned a po cestě mi kup ... no ... dvoje, prosím tě. Tak ahoj.“

* * *

Zas ty zelené dveře. Jako by na nich ulpěl obraz líbezná tvář obkroužená červeným kruhem. Emil se zastavil a přemýšlel, odkud zná toho kluka, kterého tchyně překřtila na děvče. Už ho viděl, už ho jistě někde potkal, ale všechno bylo jaksi jinak, celé to prostředí bylo dokonale nepřislušné téhle nečisté ulici, těmhle omláceným zeleným vratům, mezi jejichž otevřenými křídly zeje špinavé schodiště. Tam se mezi křídly vrat prodlužoval prostor lodi a v jejím čele něco jako náruč světla. Něco jako čistá hrud k přivnutí do jasů, který padá mnohými úzkými okny a prostírá se jako nejčistší plátno. Jen dobře postavené kostely dosáhnou této světelné senzace i v relativně pošmour-ném dni. Kostel Svatého Pavla na předměstí byl dobře postavený. Snad jediná ušlechtilá stavba na celém náměstí, kde v přízemích domů osleplých špinou a chátráním žijí už jen výčepy, zastavárny a herny, na jejichž zalepených výlohách černožluté ksichty veselých jockerů slibují měšce a jackpoty plné peněz a červená srdíčka na oknech v patře radí, zač ty peníze utratit. Bufety a řeznické krámy páchnou starým masem, i když jsou zavřené, i v neděli, když kolem nich těch pár lidí spěchá do kostela. A tam, v kostele, do kterého zabloudil spíš náhodou, Emil zahlédl chlapce Pavla, jak v naškrobené komžičce ministranta předčítá z bible první čtení. Četl velmi dobře, bez koktání i ta těžká starozákonní slova a vlastně bez místního přízvuku. Emil by nečekal, že tady bude někdo umět takhle číst, a proto šel podél sloupů blíž k oltáři, aby ho skutečně uviděl, aby se podíval, kdo to je.

A tenhle malý služebník Páně běhá Sašeně pro cigarety. Tenhle malý přísluhovač těch, jak ona by řekla, černoprdelníků, je tou Pavlou, Pavlínkou, s jejímž obrazem Saša celé dny mluví jako s andělem.

* * *

Na některé věci andělé nestačí, ty je třeba probrat s lidmi. „Tak, řekni, Emile, ty tomu věříš,“ hodila knihu před Emila na stůl. „Ty si myslíš, že tak to bylo? Že je fakt věznili a popravili nevinné?“

117

„Ano, já si myslím, že to už je dávno každému jasné.“

„Tak já nejsem každý, mně to teda jasné nikdy nebylo, a to jsem tehdy žila a ve straně jsem byla.“

„A co ty procesy a popravy předtím, to nebyly zločiny?“

„Jaké procesy?“

„S odbojáři, generálem Píkou, s letci RAF, s Miladou Horákovou, to nebyly zločiny?“

„To je něco jiného, to je úplně něco jiného! To jsem viděla, jak ho pověsili, toho hajzla Pfitznera, jak kopal nohama na prkně, němčour, esesák! U toho jsem byla, to bylo veřejné.“

„Já nemluví o Pfitznerovi, proboha! Já mluvím o českých vlastencích, které Gottwald poslal na šibenici.“

„Ale to nebyli naši, rozumíš, to byli zápaďáci z Londýna, ti chtěli obnovit kapitalismus. Ti byli proti nám!“

„Proti komu?“

„No přece proti komunistům! To byla reakce. To nechápeš? To byl třídní boj. Buď oni, nebo my. Buď socialismus, nebo vláda buržoazie. Nemusí se ti to líbit, ale to byla válka. To je něco úplně jiného, než když komunisti popravovali čestné komunisty. To je hrůza!“

„Takže popravy národních socialistů a dalších...“

„Diverzantů,“ skočila mu do řeči.

118 | „Takže ty popravy se vám líbily? Ty byly v pořádku?“

„Líbily? To není to slovo. Jistěže lepší by to bylo bez nich. Ale tak to tehdy bylo. Když jsme chtěli ten národ vést, tak jsme museli odstranit třídního nepřítele. To říkal už Lenin, ne Stalin, Lenin! Rozumíš?“

„Nerozumím a nechci rozumět.“

„Tak, nechceš!“

„Protože není čemu.“

Saša se na něj, na toho rozcuchaného chlapa podívala, a najednou ho uviděla jinak. Ještě nabírala dech, ještě se rozpalovala k tomu, že mu to rádně vytmaví, protože takhle s ní nikdo mluvit nebude, ale najednou pocítila hroznou slabost. Emil se jí ztrácel v dálce v tom dusivém oblaku, v tom zmatku, kdy skutečně není čemu rozumět. Protože mlátili čestným komunistům hlavou o zeď, protože lhali jejich ženám, vykrucovali se, báli se. Všichni se báli. Co to říkal Slánský? Co to říkal Gottwald? Tonda Zápotocký? Co to říkal Husák a Červoněnko a Brežněv? Eto vaše dělo. Čí dílo to teda je? Co mi to říkáš, Emile?

„Tobě hlavou o zeď nemlátíli.“

„Však vám taky ne.“

Máš pravdu, tu svoji hnusnou pravdu máš. Netloukli mi hlavou, a proto se mi v ní nerozsvítilo, až teď, když už je všechno, všechno pryč. Zatáhla z cigarety, jako by ji to mohlo zachránit, jako ti odsouzení s rukama za zády. Ještě jim strčí cigaretu do huby. Zakuř si, soudruhu, než budeš kopat nohama na prkně jako ten Pfitzner, jako Slánský, a žádný vzduch a žádný vzduch. Pokoj se obrací jako krabice. Proč ten pitomý lustr roste z podlahy, proč se nemůžu vyhrabat z téhle pas-ti? Kolena u brady a žádný vzduch. Pavlo, Pavlíno, Popelko milá, takhle lezu po zemi. Vidíš mě, Emile, vidíš, kam jste mě dostali?

Zvedl ji z podlahy a odnesl na postel, byla lehká jako role papíru.

„Dýchejte, pomalu dýchejte. To přejde,“ konejšil ji celý zděšený. „Tohle jsem nechtěl.“

„Ty s tím nemáš co dělat, ty nemáš co...“ breptala bezmocně, „ty máš tu svoji pravdu a já už nechci nic, rozumíš, nic, nic!“

Zachytil její ruku, nahmatal tepnu na zápěstí. Její srdce drnělo, jako když zvoní starý mechanický budík. Rrrrrrrrrrrrrrrrr!

„Vydržte, to bude dobré,“ přesvědčoval ji Emil a vytáčel číslo záchranky.

„Dobré už nebude nic, nic, rozumíš!“ odpověděla mu a ztratila vědomí.

* * *

„Vaše maminka je v takzvaném terminálním stadiu,“ řekl jim lékař na nemocniční chodbě, která byla v deštivém dni šerá jako sklepení.

„Je to takzvané plicní srdce. To je situace, kdy plíce už nejsou schopny dostatečně okysličit krev a srdce na to reaguje zvýšenou činností, s níž pumpuje málo okysličenou krev do těla. Dá se říci, že ty plíce její srdce vlastně uštvou. Dáváme jí sice kyslík, ale vzhledem k celkové zesláblosti a vysílení už vám nechci dávat žádné falešné naděje.“

120

„Já vím,“ odpověděla Ivana, „a kdy myslíte...?“

„To je těžko říct, dnes, zítra, možná to ještě nějaký den potrvá.“

Vešli s Emilem do pokoje. Matčino tělo se pod dekou doslova ztrácelo, jen hlava hluboce vtisknutá do polštáře. Kyslíková trubička zavedená do nosu byla podobně průhledná jako její tvář. Tak se člověk ztrácí. Bylo docela dobře možné si představit, že za nějaký krátký čas nebude mezi dekou a prostěradlem nic. Za nějaký krátký čas, jak dlouho může drnčet ten mechanický budík v hrudi, jak dlouho ještě může probouzet k životu člověka v terminálním usínání? Jako by čas, který už za chvíli nebude, byl tím jediným, na co se dá v této chvíli myslet. A to je špatně, špatně, špatně, opakoval si Emil v duchu a pak, ač mu to připadalo nemístné a bláznivé, nahlas pozdravil: „Dobrý den.“ Doslova se toho hlasu oba polekali. Ale Sašina víčka se začala pomalu, jako v tom nejzpomalenějším záběru, zdvihát. Otevřené oko bylo zpočátku úplně prázdné a nezacílené jako oko slepce, ale potom se začalo

zaostřovat, neviditelná jiskra v něm zažehla slabounký ohníček.

Ještě jsem tady. Kdyby tak někdo otevřel okno, kdyby tak zafoukal vítr a rozfoukal ten hustý oblak, přes který neviděla na lidi, ani nevěděla, jestli jsou dobří nebo zlí, jestli jí pomůžou nebo ublíží. Ublíží, co jí udělají? Musela se tomu usmát rty odcizenými jako kus vaty v hubě. Usmát se představě, že by jí ještě někdo mohl ublížit, když každé ublížení už by bylo jen vysvobozením, a přece jí tak trochu, jen jako ztracená myšlenka hlodající kdesi v koutku mysli, zajímalo, co se děje na okrajích jejího oblaku, toho kouře, který už nenadechne, protože nemá čím. Už žádné nadechnutí, cosi do ní zavedli nosem, aby neumřela, až to vytáhnou, tak umře.

Tak už to vytáhněte. Klidně to vytáhněte. Vytáhněte mě na to prkno, zabijte mě, jako jste zabili všechny, já nebudu výjimkou, já nebudu, nebudu... Tak to zabořelo. Jakési siluety se naklánějí do jejího oblaku, kdo to jen může být? Maminka a tatínek se sklánějí nad mojí postýlkou? A já jsem slabší než to děcko, už ruku nezvednu. Už nezvednu ruku na svoji obranu, už si mě můžete vzít, už mě můžete soudit, už mě můžete vláčet, hlavou o zeď, soudruzi bratři, já už kopat nebudu, já už se přiznám ke všemu, nemusíte se schovávat v tom oblaku, já už nemám nic, co byste mně mohli vzít.

Dveře do pokoje se otevřely a v nich se objevila chlapecká tvář rámovaná dlouhými vlasy. Tak přece přišel, řekl si Emil, který mu nechal vzkaz u pana

faráře, že ta paní, co jí chodil pro cigarety, leží v nemocnici a je to s ní zlé... ano, velmi zlé, takže, kdyby ji chtěl ještě vidět...

„Pojď, Pavle,“ řekl a udělal klukovi místo u Sašiny postele.

A tak se stalo, že se nehnutý vzduch přece jen pohnul, oblak se začal rozpadat a v cárech mizející slepoty Saša uviděla dva velké lidi, muže a ženu, a mezi nimi sebe samu, dívku, jakou nikdy nebyla, ale vždycky chtěla být. A pak na to přišla. Poznala, že už tady v té chudácké posteli vlastně není, že už je tam v tom jasném zlatavém obraze za všemi oblaky, kam člověk patří.
